

А. Губер

Национально-
освободительное
движение в Индонезии

1933

А. Губер

Национально-
освободительное
движение в Индонезии

(Три статьи)

От

Революционный Восток, Москва–1932 и 1933 гг.

2026

<https://dbarabe.yolasite.com/>

Содержание

Первая статья. — Национально-освободительное движение в Индонезии.....	4
Вторая статья. — Национально-освободительное движение в Индонезии.....	34
Третья статья. — Революционное движение Индонезии на современном этапе.	56

Первая статья. — Национально-освободительное движение в Индонезии.

Революционный Восток, 1932, № 3–4 (15–16), стр. 251–270.

В статье, посвященной революционному движению в Индонезии, Ленин проводит в 1913 г. неоднократно им высказанную мысль, что мировой капитализм и русская революция окончательно разбудили Азию. Процессы охвата расширенной империалистической эксплуатацией все более отдаленных районов Индонезии неизбежно означали усиление гнета колониальной эксплуатации, вовлечение в нее новых миллионов туземного населения. Это усиление империалистической эксплуатации неизбежно должно было вызывать стихийные восстания целых племен и районов Архипелага, где голландский империализм приступил к массовому захвату земель, к обложению туземного населения новой данью, новыми налогами. В то же самое время на Яве и в более развитых районах Внешних Владений (западный и восточный берег Суматры, Атье и др.) создавались предпосылки для массового революционно-демократического движения.

Бурное проникновение с конца XIX века иностранного капитала разрушало замкнутый *натуральный* характер хозяйства, изолированность отдельных районов, на которую они были обречены насильственным сохранением до 70-х годов XIX в. в качестве господствующей формы колониальной докапиталистической эксплуатации —

системы принудительных культур, в основе которой лежала феодально-крепостническая эксплуатация голландским правительством.

В то же самое время эти новые формы эксплуатации методами промышленного и финансового капитала сопровождались массовым ограблением крестьянской земли. Закрепление за крестьянством Явы после отмены системы принудительных культур карликовых голодных наделов обеспечивало империалистическим плантациям дешевый «свободный» труд, создавало в то же время предпосылки для самого широкого *докапиталистического* угнетения. Невозможность для большинства разоряемого крестьянства найти себе применение в промышленности, развитие которой искусственно задерживается империализмом, заставляет их судорожно держаться за землю, определяет исключительную тяжесть докапиталистических отработок, гнет ростовщической кабалы.

Мелкое туземное крестьянство, превращаясь в «свободного» товарного производителя, неизбежно оказывается закабаленным под иго торгово-посреднического и ростовщического капитала.

Удельный вес отдельных классов и слоев явайского общества, их позиция в отношении империализма не могли *не складываться под непосредственным воздействием колониального владычества голландского капитала, продолжающегося свыше 300 лет.

В результате всей системы эксплуатации, феодальные элементы Явы в основном превратились в составное звено голландского колониального аппарата. За исключением туземных княжеств Джоджакарты и Суракарты, туземные феодальные и феодально-бюрократические элементы, превращаясь в чиновников голландского правительства,

сохраняя долю участия в эксплуатации трудящихся, в то же самое время были лишены своих земельных владений. Лишь в низших звеньях аппарата феодально-империалистической эксплуатации, в руках деревенской администрации, сохранились связанные с их функциями земельные наделы, служащие источником эксплуатации ею основной массы крестьянского населения.

То обстоятельство, что на Яве, в отличие от других островов, в качестве помещика-феодала в первую очередь выступают голландцы, китайцы и арабы, является чрезвычайно важным моментом.

Длительное сохранение государственной феодально-крепостнической системы эксплуатации, при монопольной реализации подавляющей массы прибавочного продукта-европейской торговой компанией, обусловило слабость явайской буржуазии.

Промышленная буржуазия испытывает острую конкуренцию европейского капитала и в условиях задержки империализмом промышленного развития Индонезии ограничена мелкими капиталистическими предприятиями, возникающими на основе разрушения домашней промышленности и ремесла. Туземная торговая буржуазия, развитие которой в связи с расширенной колониальной эксплуатацией методами промышленного и финансового капитала и вовлечением в товарное производство миллионов крестьянства идет непрерывно, наталкивается на конкуренцию как крупного европейского капитала, так и китайского капитала. Китайский капитал, проникавший в Индонезию еще до европейского завоевания, сумел занять в порах феодального общества Явы крепкие позиции еще до возникновения собственного торгового капитала. Политика голландского империализма, использование посреднического китайского капитала, система откупов и т. д. еще более усилили на протяжении

голландского господства позиции китайского капитала. Средняя и мелкая торговая буржуазия в силу этого представляет собою большую часть крупной туземной торговой буржуазии. Крупная оптовая туземная буржуазия сравнительно слаба.

Задержка империализмом промышленного развития Индонезии приводит к тому, что здесь не только полностью отсутствует производство средств производства, но и такие отрасли легкой промышленности, как текстильная. Однако усиленный грабеж индонезийских недр, создание мощной промышленности по переработке основной плантационной культуры Явы—сахара, железнодорожное и портовое строительство, необходимое империализму для развернутого грабежа колоний, приводят постепенно к созданию туземного пролетариата. Не только растет численность пролетариата во всей Яве, но и возникают крупные промышленные центры (Семаранг, Сурабайя и др.), где сосредоточены сахарные предприятия и обслуживающие их механические и монтажные заводы, железнодорожные мастерские, доки и т. д. Создание постоянных кадров туземного пролетариата, его концентрация на Яве достигают значительно больших размеров, нежели во Внешних Владениях. Здесь законтрактованный принудительный труд является все еще основой не только сельскохозяйственных, но и промышленных предприятий.

Следует учитывать эту особенность колониальной экономики.

Вместе с тем разрушение туземной домашней промышленности и ремесла, создание мелких туземных капиталистических предприятий, применяющих наемный труд, обуславливают возникновение значительного числа рабочих, обслуживающих эти отрасли промышленности.

Многочисленный сельскохозяйственный пролетариат наряду с сотнями тысяч малоземельных и безземельных крестьян, вовлекаемых в обслуживание плантаций, также достигает на Яве значительной концентрации.

Здесь тоже создаются кадры постоянных сельскохозяйственных рабочих, целиком связанных с европейскими предприятиями и зачастую потерявших связь с собственным хозяйством в деревне.

Развитие капитализма в Индонезии в тяжелых колониальных формах, сращение капиталистических форм производства с докапиталистическими непрерывно обостряют противоречия между интересами империализма и потребностями самостоятельного развития колоний. Непрерывное нарастание и углубление этих противоречий делают неизбежным обострение национально-освободительной борьбы.

Возникающие к началу XX века внутри Индонезии, в первую очередь на Яве, предпосылки для роста национального самосознания, национального объединения в борьбе против империализма получают толчок от русско-японской войны и от русского революционного движения, сказывающегося в Индонезии особенно через китайскую революцию.

Уже в 1906–1908 гг. в Индонезии возникают первые националистические организации, собирается конгресс явайцев, объединяющий представителей дворянской и буржуазной интеллигенции. В 1908 году возникает первая организация – Буди-Утомо (высокая цель).

Интеллигенция (учителя, ученики медицинской школы, незадолго перед этим открытой) по своему классовому происхождению больше всего была связана с туземным дворянством – феодально-бюрократическим чиновничеством, тесно связанным с голландским

империализмом и отчасти с торгово-посреднической буржуазией.

Интересы как слабой торгово-промышленной буржуазии, так и громадного мелкобуржуазного лагеря были здесь отражены чрезвычайно слабо.

Программа Буди-Утомо вполне соответствовала ее социальной физиономии. Она сводилась к «моральному совершенствованию», улучшению и расширению европейского образования для туземцев, допуску туземцев на более высокие ступени чиновничьей лестницы. Естественно, что эта организация, очень быстро попавшая в руки консервативных феодально-чиновничьих элементов, менее всего могла стать выразителем массового революционно-демократического движения.

Широкое демократическое движение нашло свое оформление впервые в 1911–1913 гг. в Сарекат Исламе. Основным ядром этой организации при ее возникновении являлась туземная торговая и торгово-промышленная буржуазия и отражавшая ее интересы туземная интеллигенция, значительно возросшая численно за первое десятилетие XX века.

Первые шаги Сарекат Ислама так же, как и его возникновение из Сарекат Дагенг Ислама (союзов мусульманских торговцев), выявили характерные особенности индонезийской буржуазии. Слабость промышленной буржуазии, *находящейся в самом зачаточном состоянии*, исключала всякую возможность ее выступления в качестве самостоятельной силы.

При возникновении Сарекат Дагенг Ислама руководящую роль в них играла торговая и торгово-промышленная туземная буржуазия, и в первую очередь буржуазия, занятая в торговле и производстве батика,

единственной отрасли, где туземный капитал играет достаточно заметную роль.

Слабость туземной буржуазии обратила ее борьбу в первую очередь в ту область и на того конкурента, который ей непосредственно противостоял. На первоначальных этапах организации индонезийская буржуазия еще в большей мере, чем всякая колониальная буржуазия, не мечтала даже о борьбе с голландским империализмом. При этом., сталкиваясь лбом со своим непосредственным конкурентом—китайским капиталом, индонезийская буржуазия видела в борьбе с ним свою основную, первоочередную задачу. Победа над китайским капиталом означала в первую очередь возможность расширения своей деятельности.

Однако созревшие предпосылки для массового революционно-демократического движения способствовали быстрому превращению Сарекат Ислама в массовую национальную организацию. Первый конгресс Сарекат Ислама собрал в январе 1913 г. несколько тысяч делегатов и гостей. Либеральный характер руководящего ядра особенно сказался в речи председателя. «Сарекат Ислам, — говорил он, — не является политической партией, не является партией, стремящейся к революции, как думают многие... Мы должны в случае притеснений обращаться к защите генерал-губернатора. Мы лойяльны по отношению к правительству и довольны голландским управлением.. Неправда, что мы стремились к организации беспорядков, неправда, что мы хотим борьбы. Мы этого не хотим, нет, тысячу раз нет...». (*Encyclopaedie*, D. III, Bl. 696.) Несмотря на явно трусливую соглашательскую позицию буржуазии, возлагавшей все свои надежды на подачи империализма, .пропаганда объединения мусульман для защиты своих национальных интересов не только вызвала быстрый рост числа членов отделений Сарекат Ислама, но

с подъемом национально-освободительной борьбы в Азии послужила толчком к стихийной революционной борьбе индонезийского пролетариата и крестьянства, далеко выходящей за рамки задач, которые ставила себе организация туземной буржуазии.

Почти одновременно с либерально-верноподданническими заявлениями буржуазии на Яве подымается волна крестьянских выступлений и стихийных стачек пролетариата. (См. доклад Ф. Маринга, бывшего секретарем колониальной комиссии II конгресса КИ, *Доклады II конгресса Коммунистического интернационала*, стр. 353–372, *Коммунистический интернационал*, Петроград, 1920 г.) Отделения Сарекат Ислама охватывают к этому периоду всю среднюю и восточную Яву, они возникают повсюду, охватывают народные массы, все более отчетливо отражают буржуазно-демократическое движение.

Оценивая это массовое движение, протекавшее под исламскими лозунгами, Ленин пишет в «Правде» в 1913 г. «Интересно, что революционно-демократическое Движение охватило теперь и Голландскую Индию острова Явы и другие колонии Голландии, имеющие население до 40 миллионов человек. Носителями этого демократического движения являются, во-первых, народные массы на Яве, среди которых пробудилось националистическое движение под знаменем Ислама. Во-вторых, капитализм создал местную интеллигенцию из акклиматизировавшихся европейцев, которые стоят за независимость Голландской Индии. В-третьих, довольно значительное китайское население на Яве и других островах перенесло революционное движение со своей родины...» Здесь Ленин в первую очередь подчеркивает значение индонезийских народных масс в националистическом движении.

Наряду со значением Для Индонезии революционного движения в других странах Азии, которую «мировой капитализм и русское движение 1905 г. окончательно разбудили.» (там же), Ленин указывает и на роль голландской интеллигенции.

Как мы увидим, роль революционной части голландской интеллигенции, из которой выросла впоследствии, под влиянием Октября, индонезийская компартия, подтвердила и Это указание Ленина.

В то же самое время агитация туземной буржуазии, направленная против китайского капитала и находившая почву среди мелкой городской буржуазии и городской бедноты, приводила к многочисленным случаям разгрома китайских лавок и избиению китайцев.

Сарекат Ислам этого периода не является партией, отражавшей интересы определенного класса. Этот период национально-освободительного движения был периодом общенационального фронта. Сарекат Ислам представлял собой блок между самыми различными классами и прослойками индонезийского общества, возникший на основе наравших противоречий между империалистической эксплуатацией и интересами колониальной страны, в условиях еще недостаточного размежевания классовых сил. Блок, в котором верхушка торговой и торгово-промышленной буржуазии и либеральное чиновничество пытались на первых порах осуществить гегемонию, используя национальные и религиозные чувства основной массы населения для укрепления своей позиции. Но уже на очень ранних этапах руководство движением переходит в большинстве отделений к мелкой буржуазии, выступающей с более радикальными требованиями. Идеология Сарекат Ислама, складываясь в процессе создания его как массовой организации, являлась идеологией радикальной мелкой

буржуазии. На ней сказывались противоречивые интересы как различных групп мелкой буржуазии, так и интересы верхушечного слоя торговой и торгово-промышленной буржуазии. Постепенно на службе крупной буржуазии радикальное мелкобуржуазное идейное течение превращается в национал-реформистское течение этой буржуазии. (См. *Тезисы VI конгресса КИ*, стр. 55 (1-е изд.).)

История Сарекат Ислама—это история развития национально-освободительной борьбы, в процессе которой отдельные классы индонезийского общества постепенно проделывают неизбежную эволюцию, приводящую в конечном итоге к расколу Сарекат Ислама, взорванного изнутри нарастанием классовых противоречий.

Эти процессы неразрывно связаны с событиями в остальном мире, с которым Индонезия вступала во все более и более тесный контакт.

Мировая война, совпавшая с превращением Сарекат Ислама в массовую организацию, вызвала резкое ухудшение положения всех основных трудящихся классов индонезийского общества. Это не могло не отразиться на радикализации не только основной массы членов Сарекат Ислама, состоящей из мелких торговцев, ремесленников, крестьян, мелкобуржуазной интеллигенции, туземного пролетариата и полупролетариата, но и на позиции руководства. Опираясь на растущее массовое движение, туземная буржуазия впервые на конгрессе в 1916 г. собрала около сотни делегатов от 80 отделений Сарекат Ислама из самых различных частей Архипелага, объединявших около 360 тысяч членов.

Уже принятое этим конгрессом название «Первого национального конгресса Сарекат Ислама», – как указывал председатель, – означало «выдвижение на первый план стремления подняться на высоту нации».

Соответственно в качестве основных задач Сарекат Ислама выдвигается задача возможно быстрого достижения самоуправления и в первую очередь расширения участия туземных представителей в управлении, расширения компетенции, децентрализации и автономии отдельных частей Индонезии. Все это, однако, мыслится при помощи империалистической Голландии и под ее руководством. Заключительная речь председателя вновь призывала всех членов Сарекат Ислама «соблюдать все законы и распоряжения правительства и добиваться благосостояния населения разрешенными законом действиями».

Дальнейшая эволюция Сарекат Ислама обнаруживает постепенную радикализацию руководства под влиянием ухудшающегося экономического положения Индонезии и непосредственной воспитательной работы среди массы членов Сарекат Ислама, осуществлявшейся социал-демократическим союзом. Проникновение социал-демократических идей в массу членов Сарекат Ислама шло как через организацию социал-демократией рабочего класса Индонезии, так и через охват социал-демократической революционной пропагандой организованной в Сарекат Ислам мелкой буржуазий.

Социал-демократический союз был основан в мае 1914 г. революционными голландскими социал-демократами.

Союз включал как революционных марксистов, так и стоявших целиком на платформе II Интернационала социал-демократов, фабианцев и т. д. Первые годы своего существования союз занимался изучением «теоретических проблем социализма» и, естественно, охватывал лишь незначительное число интеллигентов. Однако революционному крылу (Снефлит, Баарс и др.) удалось направить деятельность союза в массовые туземные организации и на создание профсоюзов. Массовая работа

революционных социал-демократов в значительной мере способствовала оформлению революционной оппозиции внутри Сарекат Ислама.

Рост революционной оппозиции внутри Сарекат Ислама до определенного момента сказывался и на революционизировании руководства.

Однако эта оппозиция означала в (то же время углубление революционного движения, пробуждение активности индонезийского пролетариата и крестьянства, и в конечном итоге ее нарастание должно было привести к расколу Сарекат Ислама.

На Втором национальном конгрессе впервые был поставлен вопрос о путях, которыми может быть достигнута независимость Индонезии.

Впервые стал намечаться водораздел между либеральным и демократическим течением. В то время как руководящая верхушка и представители торговой буржуазии и буржуазной интеллигенции, связанной с буржуазией и либеральным чиновничеством, отстаивали парламентский метод, значительная часть делегатов требовала революционного пути.

Напор революционирующихся масс не мог не отразиться на поведении руководства, «отчасти (!) определявшемся недовольством населения, находившим свое отражение в бесчисленных выступлениях сотен представителей местных объединений из различных частей Архипелага, представлявших около 360 тыс. членов», — замечает буржуазный источник. (*Encyclopaedie van Nederl. Indie*, Dal. III, b. 699.)

Голос этих сотен тысяч крестьян, мелкой буржуазии, городской бедноты, а . отчасти и пролетариата сказался в резкой критике феодально-бюрократического аппарата и в

резолуциях конгресса. Туземные чиновники были вскрыты как послушные орудия империализма, осуществляющие его политику в отношении населения, которое является для правительства лишь объектом обложения все возрастающими налогами.

Обсуждение вопроса о характере «Народного совета» (Фольксраада, обещанного законом 1916 г.), порядка выборов в него через муниципальные советы, так же как и выборного ценза в муниципалитеты вызвало резкую критику правительства. Здесь сказалось не только недовольство широких народных масс, но и значительной части средней и мелкой буржуазии, оказавшейся полностью вне состава избирателей.

Принятая пленарным заседанием конгресса (23 октября 1917 г.) резолюция выдвигала в качестве основных задач Сарекат Ислама достижение самоуправления и борьбу с господством «грешного») капитализма, обречшего большинство индонезийцев на нищету. В качестве основных требований выдвигались децентрализация колониального управления, право участия в выборах в местные и «народный» советы, свобода передвижений (отмена паспортов), расширение образования, уравнивание туземцев в гражданских правах с европейцами, поддержка туземного сельского хозяйства правительством.

Уже эти резолюции, далекие от каких-либо последовательных революционных требований, отразили общий сдвиг в национально-освободительном движении. Здесь уже заметно влияние русской февральской революции, нашедшей свой отклик в индонезийской националистической прессе, и в первую очередь в статьях индонезийских и голландских революционных социал-демократов.

Влияние революционных событий на деятельность с.-д. союза в Индонезии не ограничилось пропагандой в газете. Деятельность с.-д. союза значительно усиливается, увеличивается и ее влияние на массы. Нарастание революционных настроений и недовольства широких масс в связи с ухудшением экономического положения, бременем налогов и повинностей было заметно, как мы говорили, еще в период 1917 г.

В некоторых районах недовольство туземного крестьянского населения выливалось в волнениях, принимавших характер восстаний. Так, например, во время такого восстания в Дьямби (Суматра) в 1916 г. было убито около сотни голландских и туземных представителей власти. (Дингли, *Борьба крестьянства в Индонезии*, стр. 65.)

К 1918 г. это назревание революционных настроений принимает все более заметный характер и получает толчок от Октябрьской революции.

В период 1917–1919 гг., отмечающей в Индонезии, как и в ряде стран, подъем подлинного массового движения, имели место бесчисленные случаи отказа крестьян платить налоги, выполнять барщинные повинности в пользу правительства и феодалов. Столкновения с полицией, аресты крестьян, расстрел крестьян при помощи регулярных войск – учащаются. Наибольшей остроты крестьянские волнения достигают в некоторых феодальных латифундиях и в Демоке в октябре 1918 г., накануне III конгресса Сарекат Ислама. Размах крестьянского движения, его ярко выраженный антиимпериалистический и антифеодальный характер отчетливо выявляют роль колониального крестьянства, как движущей силы национально-колониальной революции.

Все это отразилось на конгрессе Сарекат Ислама, определив собой усиление революционной оппозиции центральному руководству. Не только революционная оппозиция, возглавлявшая в первую очередь Семарангским отделением, с его сильной рабочей прослойкой, находившимся под влиянием революционных демократов из с.-д. союза, характерна для III конгресса Сарекат Ислама (29/IX–6/XI 1918 г.). Конгресс отразил и увлечение революционным подъемом массы индонезийской мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции, осуществлявшей руководство в большинстве местных отделений Сарекат Ислама и представленной в известной мере и в Центральном совете.

На этом конгрессе не только выявились противоречия между революционной оппозицией и либеральным руководством, но и обнаружилась неоднородность мелкобуржуазного лагеря. В то время как часть мелкой буржуазии поддерживала революционное крыло, возглавленное коммунистами, из которых несколько было избрано в президиум конгресса, другая ее часть, связанная с голландским империализмом и туземной буржуазией, поддерживала реформистское руководство. Однако чрезвычайно характерно, что даже и либеральная реформистская часть Сарекат Ислама под влиянием революционных масс вынуждена была прибегать к революционным фразам.

Несмотря на стремление реформистского руководства отстоять постепенный ход социальных преобразований путем реформ (расширения образования, облегчения налогового гнета, отмены государственной барщины и феодально-помещичьего землевладения на Яве и т.д.), несмотря на сопротивление наиболее реакционной части, видевшей панацею от всех зол в религии и благочестии, «противостоявшее им! качественно значительно более

сильное меньшинство» (*Encyclopaedie*, D. III. bl. 399.) индонезийских коммунистов при поддержке части мелкой буржуазии выдвигает в качестве основных методов борьбы организацию пролетариата и крестьянства для революционной борьбы с голландским капитализмом.

Однако и здесь не замедлили обнаружиться противоречия интересов отдельных классов, представленных в Сарекат Исламе. Туземная буржуазия, вынужденная принимать резолюции, в которых сказываются требования масс, пытается совместить их со своими непосредственными интересами.

Требуя сокращения сахарных посевов, громя политику империалистических плантаций, распуская III конгресс Сарекат Ислама напутственным призывом «Пролетарии Индонезии соединяйтесь!», руководство Сарекат Ислама, отражая интересы туземной буржуазии и кулачества, выбрасывает лозунг: «Патриоты, не сдавайте своих земельных участков в аренду иностранцам, а сдавайте, своим соплеменникам-мусульманам».

Созданная вскоре после III конгресса Сарекат Ислама так называемая Радикальная концентрация, объединившая наряду с Сарекат Исламом и другие мелкобуржуазные партии (Буди-Утомо Инсулинду, Посундан. –возникающие в этот период в различных частях Индонезии и выражавшие рост буржуазно-демократического движения), в которых также отразилось революционизирование мелкой буржуазии в связи с подъемом революционного движения, достаточно определенно наметила тот предел, дальше которого не в состоянии была пойти не только буржуазия, но и верхушка мелкобуржуазной интеллигенции.

Деятельность этого Радикального объединения была отмечена массовым: митингом, на котором было принято

много резких и клеймящих империалистическую политику резолюций и сказано еще больше «революционных» речей. Однако все радикальные фразы этого Радикального объединения сводились по существу к требованию допуска туземной буржуазии и представителей средней и мелкой буржуазии в Фольксраад и местные муниципальные советы и превращения Фольксраада в парламент, перед которым правительство должно было быть ответственно!.

Отношение туземного мелкобуржуазного руководства к Фольксрааду, этому органу «народного представительства», чрезвычайно типично, особенно же если учесть, что Фольксраад представлял собой послушное орудие в руках империализма, не был наделен никакими правами, кроме совещательных функций, и насчитывал большинство европейских членов.

Националистические лидеры не гнушались принять из рук голландского империализма назначение в этот «парламент».

В 1918 г., в период общего подъема революционного движения и недостаточной еще его дифференциации, в период, когда национальная буржуазия еще не успела капитулировать перед империализмом, выборная часть членов Фольксраада, так же как и назначенные члены, выступала с его трибун с резкими нападками на правительство. Опираясь на подъем масс и стараясь использовать его для своих целей, борясь за гегемонию в Национально-освободительной борьбе, туземная буржуазия и мелкобуржуазная интеллигенция должны были выдвигать и требовать аграрных реформ и рабочего законодательства. Специфические условия развития Явы, обусловившие, как мы видели, слабость туземной буржуазии и относительно ограниченную ее связь с землевладением, облегчали ей радикальную постановку вопросов, рассчитанную на успех у народных масс.

Практическое значение решений конгресса Сарекат Ислама в 1918 г. обратить особое внимание на привлечение на свою сторону профсоюзов и приступить к организации новых союзов было, однако, чрезвычайно велико. Стихийный рост рабочего движения, уже приведший к целому ряду стачек и забастовок индонезийского пролетариата, вместе с созданием профессиональных союзов приобретает новую мощь. Мелкобуржуазные националисты вместе с индонезийскими и голландскими коммунистами впервые приступают к массовой организации рабочих, к созданию сети школ, к пропаганде идеи национального объединения) для борьбы с империализмом. Возникает ряд крупнейших профсоюзов, насчитывающих по несколько тысяч человек. Союз сахарников, возглавляемый Сурипронато, союз ломбардных служащих, руководимый лидерами Сарекат Ислама, мощный союз железнодорожников, возникший еще в 1908 г. в качестве союза европейского железнодорожного персонала, но под влиянием коммунистов превратившийся в массовую организацию, охватывающую как европейцев так и туземцев, целый ряд мелких союзов, шоферов, печатников, докеров а т. д.

Подъем массового движения не только способствовал успеху пропаганды Сарекат Ислама, не только приводил к тому, что число членов, достигает к концу 1919 г. свыше 2 млн. человек, но и выливался в революционные вспышки и выступления, далеко выходявшие за пределы целей, которые себе ставило мелкобуржуазное руководство.

Так, например, поездка одного из наиболее умеренных буржуазных лидеров Сарекат Ислама – Абдул Муиса на Суматру, где он выступал с докладами на тему о национальном объединении, империалистическом «грешном» угнетении и очищении Ислама, – явилась толчком, вызвавшим крестьянское восстание: в Толи-Толи,

во время которого были убиты правительственный чиновник, крупный туземный феодал и ряд туземных чиновников. (*Encyclopaedie, Anvulingen, mei 1923, bl. 15.*) Крестьянское движение, вопреки руководству и путанной религиозно-реформистской идеологии руководителей типа Абдул Муиса, обнаруживало свою антиимпериалистическую и антифеодальную сущность. Антиимпериалистический, характер носило и крестьянское восстание в Тьмаремо близ Горута (Ява), когда крестьяне отказались сдавать рис правительственным чиновникам по твердой цене.

Крестьянское движение было подавлено при помощи вооруженной силы, и его руководители из Сарекат Ислама арестованы.

Одновременно с этими кровавыми событиями в Горуте в той же Прианганской резиденции и в резиденции Батавии была обнаружена тайная организация, называвшая себя Сарекат Исламом «Секцией Б».

Эта организация охватывала главным образом крестьян и ставила своей целью подготовку революционного восстания против голландского империализма.

В связи с предпринятыми правительством расследованиями было арестовано несколько сот крестьян и несколько десятков представителей мелкой буржуазии (мелких торговцев и т. д.) и мелкобуржуазной интеллигенции. (Дингли, *Борьба крестьянства в Индонезии*, стр. 63–64.) Была установлена связь между этой организацией и некоторыми руководящими членами Центрального совета Сарекат Ислама. (*Encyclopaedie, Anvulingen, bl. 15.*) Обнаруженная организация не только показала, что массовое революционное движение туземного крестьянства далеко опережает мелкобуржуазное руководство Сарекат Ислама, но и что

внутри самого мелкобуржуазного лагеря усиливаются процессы дифференциации.

В организованном в том же году «Революционно-социалистическом профсоюзном центре» эта дифференциация мелкобуржуазного лагеря отразилась еще больше. Уже само название, принятое этим объединением, свидетельствует не только о влиянии социал-демократических идей на!

часть профсоюзного руководства, связанного с индонезийскими коммунистами из с.-д. союза, но и о стремлении мелкобуржуазных националистов этим путем добиться влияния на рабочие массы, на которых уже сказалась воспитательная работа, проделанная коммунистами.

«Нередко бывает, что мелкобуржуазные интеллигенты перекрашивают свою идеологию в социалистический и даже коммунистический цвет», говорится в резолюции VI конгресса КИ. (*Стенографический отчет VI конгресса КИ*, вып. 6, стр. 139.) В Индонезии эта особенность колеблющейся и половинчатой интеллигенции, из которой лишь некоторые могут «порвать со своим классом и подняться до понимания задач классовой борьбы пролетариата и стать активными защитниками, его интересов» (*Там же.*), сказалась чрезвычайно ясно.

Руководство в профцентре на первых порах попало в руки мелкобуржуазных националистов. Хотя среди руководства вошедших в объединение профсоюзов было уже значительное число коммунистов, однако в наиболее сильных союзах преобладали мелкобуржуазные националисты. Радикальная позиция большинства мелкобуржуазных лидеров как на конгрессе Сарекат Ислама, так и в Фольксрааде и их социалистическая

фразеология на этом этапе еще обеспечивали им влияние на пролетарские массы.

В качестве представителя первого съезда профцентра мы встречаем поэтому Тьокро Аминото, явившегося, несомненно, в этот период наиболее популярным вождем национального движения.

Уже выступление Тьокро Аминото выявило всю половинчатость мелкобуржуазной интеллигенции. Он отметил, что семилетняя практика Сарекат Ислама показала, как мало результатов дают обращения к правительству и его обещания. *По этому Сарекат Ислам должен оказать на него "моральное давление". Для этого необходима значительно более компактная и объединенно действующая организация, какой не может быть Сарекат Ислам с его 2,25 млн. членов.* Первым шагом в этом (направлении должна явиться организация профсоюзного центра. (*Encyclopaedie, Anvulingen, bl. 16.*)

Если уже это выступление отчетливо обнаруживало стремление мелкобуржуазного руководства использовать профсоюзные организации для давления на правительство! в интересах буржуазии в целом, то многие остальные выступления окончательно подчеркнули, что значительная часть мелкобуржуазных националистов по существу стоит на реформистском пути. Было заявлено, что* название (революционно-социалистический) имеет в первую очередь пропагандистский смысл¹, что из этого не следует, что профцентр будет стремиться к революции. «Лишь моральное давление путем протестов, доказательств и в случае необходимости политическая стачка должны иметь место». (*Там же.*)

С другой стороны часть представителей профсоюзов, в том числе и часть мелкобуржуазных интеллигентов, доказывала наряду с коммунистами, что профцентр должен

осуществлять руководство профдвижением на основе классовой борьбы. «Профсоюзная работа должна явиться подготовкой для борьбы за завоевание власти рабочими». (Там же.)

Таким образом отмеченная нами дифференциация в революционно освободительном движении, становившаяся все более заметной в Сарекат Исламе, полностью и в первую очередь отразилась с самого начала и на профсоюзном центре.

Постепенное углубление этих процессов неразрывно связано с деятельностью индонезийской компартии.

Влияние Октябрьской революции нашло свое отражение в подъеме революционного движения в Индонезии и в первую очередь сказалось в социал-демократическом союзе.

Вступление революционной части союза на путь активной антиимпериалистической борьбы, отстаивания классовой борьбы пролетариата и его роли в национально-революционном движении уже после Февральской революции привели в сентябре 1917 г. к расколу с.-д. союза.

Реформистская часть голландской интеллигенции, полностью погрязшая в болоте II Интернационала, выходит из союза и организует Индонезийскую с.-д. рабочую партию, постепенно превратившуюся в передовой отряд голландского социал-империализма в Индонезии.

Освободившись от социал-соглашательского балласта, революционная часть с.-д. Союза вступает на путь превращения в массовую коммунистическую партию. Революционная часть голландских социал-демократов во главе с Снефлитом (Брандстетер, Деккер, фан-Бринк, Баарс и др.) приступила к организации социал-демократического ядра в Семарангском отделении Сарекат Ислама, где

сильная пролетарская прослойка обусловила его быстрый рост.

В результате этой революционной деятельности на социал-демократический союз обрушиваются первые правительственные репрессии. Вслед за Баарсом, высланным из Индонезии еще в октябре 1917 г., в начале декабря 1918 г. высылается Снефлит. Однако рост социал-демократического влияния среди индонезийского пролетариата и революционной интеллигенции был весьма заметен. К моменту образования компартии из с.-д. союза не только ее председателем! избирается Семуан, товарищем председателя Дарсоно, но и во главе отделений, возникших в других городах (Тубане, Сурабайе, Бандунге), также в большинстве случаев находятся туземные коммунисты.

Лишившись своих европейских руководителей, индонезийская компартия в дальнейшем возглавляется уже туземными лидерами. В 1919 году союз переименовывается в компартию, а в декабре 1920 г. чрезвычайный съезд КП Индонезии в качестве основного вопроса обсуждает присоединение КПИ к Коминтерну. Присоединение было решено подавляющим большинством голосов. Однако чрезвычайно характерно, что при обсуждении программы Коминтерна вопрос о борьбе с панисламизмом и о разделе земли вызвал ряд споров и возражений.

В наличии протестов против этих задач борьбы сказалось отражение в среде КПИ мелкобуржуазной идеологии, идеологии, просачивавшейся непосредственно через представителей мелкой буржуазии города и крестьянства, входивших в большом числе в компартию.

Развитие индонезийской компартии в направлении подлинной пролетарской партии шло в борьбе с

мелкобуржуазными элементами внутри самой партии. Удельный вес этих элементов был довольно значителен.

Соотношение пролетарских и непролетарских слоев в среде индонезийских коммунистов объяснялось в первую очередь как молодостью компартии, ее быстрым ростом, так и особенностями индонезийского пролетариата, как пролетариата колониального.

Рост влияния компартии не отделим от ее работы внутри массовых организаций, в первую очередь Сарекат Ислама, от работы по организации индонезийских профсоюзов и усиления классовой борьбы с туземными предпринимателями и империализмом, от борьбы за руководство внутри профсоюзов, созданных и руководимых туземными мелкобуржуазными националистами.

Индонезийская компартия росла и крепла в условиях непрерывной борьбы за овладение руководством в национально-освободительной борьбе, за завоевание влияния в индонезийском рабочем движении.

Внутри Сарекат Ислама борьба за революционный путь национально-освободительной борьбы возглавлялась, как мы видели, коммунистами уже в период революционного подъема 1917–1919 гг. Оформление революционной оппозиции руководству шло от тех отделений Сарекат Ислама, где сильна была рабочая прослойка и где коммунистам принадлежала руководящая роль (Семарангское отделение в первую очередь).

Вместе с тем индонезийский пролетариат, показавший уже в этот период Исключительную быстроту роста своей классовой сознательности массовыми, последовательно проводимыми стачками и забастовками, свою способность самоотверженно бороться с империализмом за свои классовые интересы и за интересы национального

освобождения Индонезии, уже начинает освобождаться от влияния националистов и превращаться в самостоятельную силу.

Неуклонный рост влияния компартии как среди массы членов в местных отделениях Сарекат Ислама, так и в профсоюзных организациях, большинство которых возникло при непосредственном участии коммунистов, явился выражением этих процессов.

Туземная буржуазия и мелкобуржуазные националисты, еще продолжавшие говорить революционным языком с трибун конгрессов и новообразованного Фольксраада, уже находили пути к сотрудничеству с империализмом.

Вместе со спадом массового движения в 1920 г. и ростом влияния коммунистической партии бледнел и радикализм части мелкой буржуазии. В первую очередь это сказалось на Сарекат Исламе, организации, охватившей, как мы говорили, свыше 2 млн. членов. Его упадок стал замечаться уже к концу 1919 г. (См. Дингли, *цитируемое сочинение*, стр. 16.)

Этот временный спад революционной волны объяснялся в первую очередь некоторым оживлением в туземном сельском хозяйстве, в связи с окончанием мировой войны и повышением спроса на колониальное сырье. Вместе с чем на Яве сказались в этих условиях и те незначительные «реформы», на которые вынужден был пойти империализм! под давлением национального революционного движения. Замена барщинной повинности денежным выкупом в условиях временного оживления конъюнктуры воспринималась крестьянством как некоторое облегчение; расширение так называемых общественных работ не только дало временное занятие и кое-какой, хотя и ничтожный заработок беднейшему крестьянству и сельскому полупролетариату, но и

создавало иллюзии улучшения туземного сельского хозяйства. Наконец мелкобуржуазное руководство большинства отделений Сарекат Ислама отметило себя бесчисленными растратами и хищением общественных сумм. Даже «блестящий лидер» Сарекат Ислама Тьокро Аминото был обвинен в присвоении денежных сумм организации. Все это вместе определило резкое сокращение числа членов Сарекат Ислама. В то же самое время внутри отделений Сарекат Ислама, где оставалась наиболее революционная часть пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии, влияние компартии непрерывно возрастало.

Мелкобуржуазное руководство Сарекат Ислама, видя, что ему все труднее и труднее становится удержать за собой гегемонию в национальном движении, не только пыталось левыми фразами прикрыть свою половинчатую компромиссную практику, но и обратилось к открытой борьбе с авангардом индонезийского пролетариата. Под флагом проведения «партийной дисциплины», превращения разнородного по своему составу Сарекат Ислама в «партию», руководство Сарекат Ислама пыталось избавиться от коммунистов внутри Сарекат Ислама.

Это особенно отчетливо сказалось уже на V конгрессе Сарекат Ислама, собравшемся в начале 1921 г. Принимая *под давлением масс* компромиссную программу, в которой отражались требования находившихся под коммунистическим руководством отделений Сарекат Ислама, центральное руководство в то же время делает попытку наступления на коммунистов. Принятая программа свидетельствует; о размахе национально-революционного движения, для возглавления которого мелкобуржуазное руководство должно было принимать эту программу. Программа начиналась с анализа взаимоотношений между голландским империализмом и

Индонезией. «Голландские капиталисты, владевшие средствами производства, опираясь на вооруженную силу, на принудительный труд и т. д., привели к деградации туземную промышленность и сельское хозяйство. Туземные ремесленники и крестьяне были разорены. *Почти весь индонезийский народ превратился в наемных рабочих* (разрядка наша. – А. Г.), едва зарабатывающих на скудное пропитание. Небольшая группа туземцев, допущенных к получению европейского образования, превратилась в орудие капиталистов, помогающее осуществлять господство над Индонезией. Сарекат Ислам убежден, что зло национального и экономического угнетения является исключительно результатом господства капитализма, с которым необходимо поэтому бороться, организуя союзы рабочих и крестьян.

Для этого необходимо добиваться политических прав, которые откроют путь для влияния туземцев на управление колонией. В достижении всех своих целей Сарекат Ислам руководствуется принципами Ислама, из которых вытекает: а) в отношении государственного управления – народовластие, б) в отношении руководства рабочими группами – комитеты их руководителей, в) в отношении производства – обязательство для каждого работать и запрещение богатеть за счет других и стремление в будущем добиться перехода всех средств производства в руки общества, г) в отношении распределения продуктов природы и труда – распределение их представителями народа».

Эта резолюция, в выработке которой принимали большое участие индонезийские коммунисты, отражает основную ошибку индонезийской компартии – недооценку феодально-империалистической эксплуатации и непонимание буржуазно-демократических задач, стоящих перед индонезийской революцией.

Размежевание классовых сил в революционном движении, наиболее ярким выражением которого является рост влияния компартии, да. существу заранее превращало эту резолюцию в мертвую букву. Противоречивое соединение взаимно исключающих элементов: Ислама как руководящего принципа национально-освободительного движения, за которым скрывались интересы туземной буржуазии, с революционными требованиями, выдвигаемыми коммунистами, отражало последнюю попытку сохранить единый, общенациональный фронт.

Вопрос о путях революционного движения и его формах был уже поставлен во весь рост как размахом революционной борьбы пролетариата и крестьянства, так и консолидацией компартии.

Туземная буржуазия под влиянием углубления революционного движения, как мы видели, очень» быстро обнаружила свою контрреволюционную сущность. Неспособность мелкой буржуазии возглавить революционное движение индонезийских трудящихся обнаруживалась с полной очевидностью.

Руководство Сарекат Ислама, принимая революционную резолюцию, неспособно было даже на словах выдвинуть революционную форму борьбы за эти требования: «мелкая буржуазия двулична по .самой своей природе, и, тяготея с одной стороны к пролетариату и к демократизму, она с другой стороны тяготеет к реакционным классам» (Ленин).

Национально-революционная борьба индонезийских трудящихся, вплотную подошедшая к аграрной революции и массовым политическим выступлениям пролетариата, вскрыла национал-реформистскую сущность мелкобуржуазных националистов.

В условиях классового размежевания сохранение Сарекат Ислама – организации блока – стало невозможным.

Не приходится поэтому удивляться, что руководство Сарекат Ислама, включая в резолюцию выдвинутые коммунистами пункты, в то же самое время вступает в борьбу с коммунистами под флагом партийной дисциплины. Туземная буржуазия и представители мелкобуржуазного демократизма пытались освободиться от коммунистов в Сарекат Исламе путем внесения предложения превратить Сарекат Ислам в партию и запретить его членам состоять одновременно в других политических партиях.

Наличие революционной оппозиции не дало возможности провести это постановление о партийной дисциплине. Лишь в конце года искусно подтасованный съезд, куда не смогли прибыть представители многих революционных секций Сарекат Ислама, утвердил «партийную дисциплину».

Несмотря на протесты коммунистов. Истинный характер этого шага нашел свое отчетливое выражение в словах председателя съезда – буржуазного лидера Абдул Муиса. Он указал на ясно наметившиеся два течения: «одно, стремящееся к сохранению Ислама и его признаков, другое – к уничтожению религии и выдвижению на первый план революционной тактики». «Если будет принята «партийная дисциплина», должна будет уйти одна из этих групп, если предложение будет отвергнуто, другая группа отделится... *Здесь пути расходятся*».

Резолюцию удалось провести. Коммунисты оказались исключенными из Сарекат Ислама, но вместе с коммунистами ушли и все отделения Сарекат Ислама, находившиеся под революционным руководством. Раскол Сарекат Ислама подвел известный итог процессам

классовой дифференциации внутри национального движения. Раскол явился организационным выражением этой классовой дифференциации, показавшим, до какой остроты уже дошла борьба за гегемонию в национально-освободительном движении.

Раскол на конгрессе в течение следующего: года сопровождался организационным распадением провинциальных отделений Сарекат Ислама по всей Индонезии, отчетливо вскрывающим позиции отдельных классов индонезийского общества и противоречия, приведшие к, расколу.

Туземная буржуазия окончательно капитулирует и переходит все более отчетливо в лагерь • контрреволюции. Процесс этот, наметившийся еще раньше под влиянием роста массовых выступлений крестьян и рабочих, нашел свое отражение в росте влияния голландско-индонезийской контрреволюционной партии. Наиболее отчетливо контрреволюционный характер туземной буржуазии обнаруживается в тех отделениях Сарекат Ислама, где руководство осуществлялось буржуазией (как, например, в Мадунском). Борьба внутри этого отделения, где революционной оппозиции противостояло буржуазное руководство, протекала в исключительно острых формах. Отделение раскололось на две части. Революционная часть пошла за коммунистами, реакционная, руководимая буржуазией, образовала мадиунское отделение в национально-реформистском Сарекат Исламе.

Наряду с капитуляцией туземной буржуазии происходит раскол внутри мелкобуржуазного лагеря, чрезвычайно разнообразного по своему составу. Эти процессы выражают обострение борьбы за гегемонию в национально-освободительном движении в результате выступления пролетариата в качестве самостоятельной силы.\..

Вторая статья. — Национально-освободительное движение в Индонезии.

Революционный Восток, 1933, №1 (17), стр. 190—200.

Раскол Сарекат Ислама отмечает начало нового этапа национально-освободительной борьбы, когда рабочий класс начинает освобождаться от национал-реформистского влияния и выступает в качестве *самостоятельной силы, противопоставляющей себя национальной буржуазии* и вступающей с ней в борьбу за гегемонию в национальной революции.

Вместе с расколом обще-национального фронта борьба индонезийского пролетариата за гегемонию, начавшаяся, как мы видели, еще в рамках этого общенационального фронта, каковым являлся С. И., переходит на более высокую ступень.

Классовые лагери в национально-освободительном движении уже отчетливо противостоят друг другу. Вместо попыток путем компромисса и соглашения руководства обеспечить единство фронта во что бы то ни стало классовые противоречия национальной революции приводят к резкой непримиримой борьбе за влияние на массы, за *гегемонию* движения.

Вполне понятно, что именно превращение пролетариата в самостоятельную силу, выступающую под руководством своего авангарда — компартии, — еще прежде чем оформился раскол Сарекат Ислама, вызвало раскол внутри профсоюзного центра, возникшего в 1919 году. Еще в 1920 году невозможность совместного руководства национал-реформизма и компартии привела к распаду центра. Возник новый революционный центр, объединивший вокруг себя большинство мелких и средних профсоюзов и мощный профсоюз железнодорожников. Под руководством реформистов остались два крупнейших союза сахарников и ломбардников, вместе насчитывавших около половины всех организованных в профсоюз.

В течение следующих двух лет коммунисты пытались добиться слияния двух профцентров в один. Успех влияния компартии на профсоюзы должен был обеспечить им в новом едином центре расширение их влияния и на часть пролетариата, еще находившуюся под влиянием националистов. В отношении реорганизации революционных отделений Сарекат Ислама, шедших за коммунистами после принятия «партийной дисциплины» в конце 1921г., компартия также в течение этого периода не предпринимала; никаких шагов.

К началу 1923 года окончательно выявилась и необходимость организационно оформить выступившие из Сарекат Ислама «Красные» отделения. В начале 1923 г. на конгрессе С. И. в последний раз была сделана коммунистами попытка отменить «партийную дисциплину». После жарких дебатов, где выразителем национал-реформистского руководства буржуазии, борющейся за гегемонию, выступил Тьокроминото и представителем пролетарского авангарда Семаун, раскол получил свое окончательное оформление. Сарекат Ислам был переименован в партию С. И., и последние

революционные отделения С. И., еще не вышедшие из С. И., присоединились к коммунистам. Мелкобуржуазное руководство открыло поход за очищение оставшихся верными руководству отделений, Сарекат Ислам от «красных, безбожных» элементов.

В то же самое время на конференции КПИ совместно с представителями красных отделений Сарекат Ислама и революционных профсоюзов в марте 1923 г. было решено переименовать красные С. И. в Сарекат Райят. Было решено, что эта организация не будет иметь самостоятельной программы, а руководствоваться программой компартии. Центральный комитет КП одновременно будет являться и руководителем Сарекат Райята, съезды КП одновременно — съездами С. Р.

В целом, С. Р. должен был явиться как бы первой ступенью для перехода в КП.

Осенью 1923 г. была установлена программа партии, выработана программа действий и методы агитпропработы. Программа отразила в себе ряд основных ошибок индонезийских коммунистов. Уже мартовская конференция в начале 1923 г. отразила основную ошибку КПИ, неправильно понимавшего характер революции Индонезии. Конференция призывала трудящихся Индонезии не к борьбе за антифеодальную и антиимпериалистическую революции, а непосредственно к борьбе за коммунизм, за свержение капиталистического строя. Соответственно она призывала к борьбе с Сарекат Исламом, к его разоблачению как «капиталистического».

В программе и в практике эти ошибки нашли свое повторение. Ошибки индонезийских коммунистов непосредственно возникали из конкретных условий, в которых индонезийская партия возникла и развивалась. Эти условия приводили к тому, что процесс *большевизации*

индонезийской КП, превращения ее в подлинную большевистскую пролетарскую партию наталкивался на ряд трудностей. Возникновение компартии из социал-демократического союза, охватывавшего в первую очередь голландскую и туземную интеллигенцию, рост компартии не только за счет туземного пролетариата, а за счет, в первую очередь, широкой массы членов Сарекат Ислам, в основном состоящего из непролетарских элементов, обусловил значительный удельный вес и влияние в компартии непролетарских мелкобуржуазных элементов. При быстром росте индонезийской компартии, насчитывавшей в период IV конгресса Коминтерна около 1300 чел. (См. *Доклад мандатной комиссии, IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала 5 ноября — 3 декабря 1922 г.* Избранные доклады, речи и резолюции. ДИЗ, 1923, стр. 19—20.) и возросшей к 1924 г. до 3,5 тыс. человек, партия росла не только за счет пролетариата, но и замет крестьянства, мелких служащих и т. д. Наконец отсутствие достаточного революционного опыта, отсутствие большевистских традиций, которые партия не могла приобрести за короткий период своего существования, является чрезвычайно существенным моментом, который необходимо учитывать при оценке *тактики и программы* КПИ.

В основе ошибок КПИ, как мы уже отмечали, лежало непонимание *буржуазно-демократических задач*, стоящих в качестве непосредственных задач перед индонезийской революцией, как перед революцией антиимпериалистической и антифеодальной.

Отсюда — первая ошибка компартии, не сумевшей добиться превращения: партии в подлинную пролетарскую партию и превратившей Сарекат Райят с его 30—35-тысячной массой членов фактически в органическую часть компартии, и наряду с этим недостаточный учет интересов

индонезийского крестьянства, вытекающий из недоучета аграрной революции как оси национально-колониальной революции.

Непосредственные крестьянские требования не находили себе *достаточного* отражения в программе КП и Сарекат Райят.

Вместо того, чтобы твердо помнить ленинское указание, что компартии не смогут проводить в колониальных странах коммунистическую тактику и коммунистическую политику, «не находясь в определенных-отношениях к крестьянскому движению», индонезийские коммунисты не боролись в достаточной мере с «левы м» уклоном в отношении крестьянства. «Левые» уклоны в индонезийской компартии являются вообще наиболее характерными.

Подъем революционного движения явайского пролетариата и крестьянства сопровождался ростом влияния компартии.

Работа среди молодежи и женщин, широкая сеть школ Сарекат Райята в городах и деревнях — все это способствовало вовлечению под руководство КП широких масс.

Возглавляемое КП рабочее движение находит в 1923 году свое наивысшее выражение в массовой стачке железнодорожников, в которой приняло участие 13 тысяч из общего числа 20.

Террор голландского империализма в связи с этой стачкой усиливается.

Ряд лидеров КП и революционных профсоюзов был арестован. Стачка объявлена «незаконной» и разгромлена. Был введен ряд законов против права собраний (12/V 1923 г.).

Несмотря на понесенные-потери индонезийская компартия продолжает усиленную работу по организации рабочего класса. 1923—24 годы проходят под знаком роста революционных профсоюзов и отделений компартии. В течение одного года число местных отделений КП возрастает с 16 до 38. (*Мировое профсоюзное движение, Справочник Профинтерна*, т. VI, стр. 139.)

Влияние V конгресса Коминтерна (июнь-июль 1924 г.), подчеркивавшего значение работы коммунистов в профсоюзах и значение профсоюзов в подготовке революции, нашло свой отклик в индонезийской компартии.

Однако наряду с правильной тактикой в отношении завоевания большинства рабочего, класса в индонезийской компартии получил дальнейшее развитие и «левый» уклон в отношении крестьянства. Он нашел свое выражение на конференции компартии в декабре 1924, г. Если здесь сказалось стремление превратить партию в подлинную пролетарскую партию (было постановление усилить работу среди профсоюзов и по организации новых профсоюзов, приступить к систематической пропагандистской работе и организации коммунистических ячеек в армии и полиции), то часть делегатов и большинство руководства выступило с предложением ликвидировать Сарекат Райят. Это мотивировалось тем, что КП не должна заниматься интересами мелкой буржуазии, *что крестьянство в революции не является революционной силой* и способно интересоваться лишь своими непосредственными экономическими нуждами.

Характерно, что оппозиция против ликвидации Сарекат Райят шла со стороны отделений, где преобладала пролетарская прослойка. Оппозиция указывала, что-это будет означать отрыв компартии от масс. В результате была

принята компромиссная резолюция, предлагавшая впредь не организовывать новых отделений и усилить передачу членов С. Райят в компартию.

Оценивая положение в индонезийской компартии, пленум ИККИ в 1925 г. отметил то, что КПИ превратилась в подлинную *пролетарскую* партию и считал необходимым *отделение* Сарекат Райята и превращение ее в массовую организацию с четкой платформой, включающей и аграрную программу.

Однако прежде чем указания ИККИ могли быть проведены в жизнь, и компартия и Сарекат Райят фактически превратились в нелегальные организации и вынуждены были вести работу в трудных условиях жесточайшего террора.

Индонезийская компартия, не имевшая опыта нелегальной работы и потерявшая ряд своих наиболее опытных лидеров, столкнулась здесь с рядом трудностей.

Террор голландского империализма нарастал непрерывно. Революционная борьба индонезийских трудящихся под руководством компартии вызывала все новые и новые репрессии. Голландский империализм, терпевший легальное существование КП и революционных профсоюзов, думая этим путем ослабить фронт национального движения, когда компартия превратилась в подлинного вождя нац.-революционной борьбы, обрушился на нее со всей силой.

Уже в 1923 г., как вы видели, вводится ряд законов против раздвижения и производятся массовые аресты. В 1924 г. правительство силой разгоняет школы Сарекат Райят, встречая сплошь и рядом вооруженное сопротивление крестьян, пытающихся защищать школы от разгрома. Между тем как классовая борьба

организованного пролетариата и аграрные движения не прекращаются.

В этом росте революционного движения к 1925 г. сказались, наряду с индонезийскими факторами, в первую очередь влияние китайской революции. Мы видели, что уже в начале национально-освободительного движения в Индонезии события в Китае имели громадное значение, что в свое время подчеркивал и Ленин.

В 1925 г. подъем революционной борьбы в Китае нашел свой непосредственный отклик в Индонезии. Индонезийские китайцы не только способствовали в свою очередь установлению тесной связи между китайской революцией и Индонезией, но и сами принимали участие в революционной борьбе индонезийских трудящихся.

Ряд забастовок 1925 г. (забастовка типографов Семоранга, начатая в июне рабочими китайцами и поддержанная остальными типографиями, забастовка низшего персонала больниц, докеров и моряков Семоранга, забастовка в Батавии и Сурабайте) закончились массовой забастовкой металлистов, охватившей все ремонтные и технические предприятия Сурабайи.

Эти забастовки вызвали аресты и высылки ряда коммунистических лидеров (Дорсона, Алиахрама, Мордюна, Алимина и др.) и жесточайшие репрессии.

В связи с первомайской кампанией 1925 г. в революционной прессе был введен специальный закон против печати. В течение одной недели было закрыто свыше 30 коммунистических журналов и газет, а редакторы их арестованы. Помещения КП и Сарекат Райят и рев. профсоюзов были разгромлены. Большое число активных работников — арестовано.

Несмотря однако на все тяжелые потери, понесенные партией и профсоюзами, их революционная деятельность в нелегальных и полулегальных условиях продолжалась.

В то же самое время аграрное движение как на Яве, так и во Внешних владениях Н В прекращалось, прорываясь постоянными вспышками. Усиленное экономическое наступление и политический террор империализма вызывали все растущее недовольство масс.

В этих условиях КП и красные профсоюзы приступили к подготовке революционного витания против империализма. Начало восстания было намечено на июль 1926 г. Подготовка к восстанию была затруднена арестами значительной части лидеров.

К тому же среди руководства КП и революционных профсоюзов к началу 1926 г.

наметились разногласия по вопросу о восстании. В то время как часть руководства видела в вооруженном восстании возможность выхода непрерывно нараставшего революционного настроения масс, стремившихся к революционной борьбе с империализмом, другая часть, в том числе большинство руководителей профсоюзов, находившаяся под впечатлением репрессий против КП и разгрома последних забастовок, выступила против восстания. Эти разногласия сыграли роковую роль как в подготовке, так и в осуществлении восстания.

Детально разработанный план не был достаточно подготовлен и осуществлен. Восстание на Яве, вместе с одновременной вспышкой его во всех районах, развертывалось постепенно. В ночь с 12 на 13 ноября вооруженное восстание вспыхнуло в западной Яве, в Бантаме. Непрерывно нараставшее аграрное движение нашло здесь в вооруженном восстании свое высшее выражение. Крестьяне нападали на полицейские посты,

перерезали телеграфные провода, разбирали железнодорожное полотно. Группы крестьян в несколько десятков и сотен человек, вооруженные холодным оружием, направляются одновременно в разных местах к резиденциям местных туземных и голландских чиновников, громят жилища деревенской правящей верхушки. В то же самое время в столице Батавии и крупнейшем пригороде ее Мейстер Корнелиус-группа революционеров захватывает телефонную станцию, пытается атаковать тюрьму Глагодан. Растерянность голландских империалистов перед лицом этого массового движения в первые дни была резвы чайно-велика. Достаточно сказать, что в первые дни в сельские районы Бантама голландские власти не рискнули стянуть более 600 солдат, опасались восстания в других районах Явы. (Киап-Самин, *Восстание на Яве и Суматре, Коммун. интерн.*, № 14. 1927 г.) Восстания в различных районах Бонгала одновременно с столкновениями в других провинциях—Кеду, Кедири — в условиях нарушенной связи не позволяли правительству учесть подлинные размеры восстания. Если в Батавии с ее крупными военными гарнизонами все революционные действия были подавлены в течение 4—5 дней, то усмирение Бонтама продолжалось почти месяц. (Blumberger цит. соч., стр. 74—76.) Повстанцы оказали упорное сопротивление регулярным войскам и полиции. Провинция превратилась в арену партизанской войны — «целые села пустели, в силу того что мужская часть населения ушла на фронт». (Киаи-Самин, *цит. раб.*, стр. 25.) Операции голландских войск были затруднены взорванными и разрушенными мостами, испорченными дорогами.

Восстание в центральной части Явы (Суракарта) началось спустя несколько дней—17 ноября. Здесь оно носило тот же антиимпериалистический и аграрный характер. Наряду с нападениями на деревенскую

администрацию, туземных чиновников и полицию восставшие поджигали европейские плантации. Однако уже здесь голландские власти успели сконцентрировать войска и полицию, которая с самого начала отбила вооруженные нападения крестьян. Так, например, группа в несколько сот крестьян, направлявшаяся к резиденциям окружного начальника в Савахан, выдержала бои с регулярными войсками, значительно превышавшими численностью отряд повстанцев, не имевших к тому же огнестрельного оружия. Собрание революционеров, обсуждавших планы восстания, было захвачено полицией, при чем свыше 20 человек удалось арестовать.

В других районах Явы—Баньюмас, Пекалонган, Кеду правительству удалось в силу запоздания восстания арестовать руководителей и участников боевых комитетов крестьян ранее чем восстание успело вспыхнуть.

Наконец восстание на западной Суматре было поднято уже в январе, после того как восстание на Яве было полностью подавлено, тысячи повстанцев расстреляны а арестованы. Несмотря на героическую борьбу крестьянства восстание на Суматре было подавлено в сравнительно короткий срок, т. к. правительство успело арестовать большинство лидеров КП и наиболее активное ядро еще до начала восстания.

Таким образом в основе неудачи восстания в первую очередь лежало отсутствие единого руководства. Организованные в различных районах Явы крестьянские комитеты действия не получили своевременного указания о начале восстания и начали его на половину стихийно уже после того, как стало известно о восстании в районе Бантама и Батавии. Разногласие среди руководства привело к тому, что всеобщая забастовка индонезийского пролетариата, которая должна была явиться основным моментом восстания, не была вообще подготовлена и

проведена. Пролетариат принял участие в восстании отдельными изолированными группами. Героическая борьба батавских пролетариев, например, не была поддержана остальной частью рабочего класса. В городах и крупных центрах голландскому империализму удалось предшествовавшим непосредственно началу восстания террором не только разгромить отделения КП и арестовать руководителей, но и добиться их изоляции от масс. В Батавии, где накануне восстания свыше 10 тыс. человек членов Сарекат Ранят вернули свои членские билеты под прямой угрозой полицейских репрессий, несомненно число связанных с организацией было, еще значительно больше, однако в восстании в Батавии приняло участие всего лишь несколько сот человек. (Киаи-Самин, *цит. статья*, стр. 24.).

Наконец, что особенно важно для развертывания крестьянского восстания, каковым в основе своей было восстание на Яве, сказалась недостаточная мобилизация крестьянских *масс вокруг аграрных лозунг* о в, недостаточное внимание индонезийской КП аграрно-крестьянскому вопросу, *Общий лозунг* восстания—свержение голландского империализма—не был увязан с основными вопросами о земле и воде, с лозунгами, которые могли бы увлечь широкие массы всего явайского крестьянства на путь восстания. Это последнее обстоятельство привело отчасти к тому, что восстание в центральной Яве, начатое после разгрома первых вспышек его на западной Яве, встретило со стороны части крестьянства пассивное отношение. Между тем здесь условия для широкого аграрного движения бы ли налицо отнюдь не в меньшей степени.

Что касается восстания на западной Суматре, то после полной ликвидации яванского восстания, в условиях жесточайшего террора и растерянности руководства,

которое еще более усиливало разногласия, обуславливавшие его запоздание почти на два месяца,— оно смогло быть подавлено в основном сравнительно быстро. То, что восстание запоздало, то, что оно не смогло быть объединено с широким крестьянским движением на севере Суматры и в Атоле, обрекло его на подавление и разгром.

Непосредственно после восстания соотношение сил и расстановка классов в Индонезии были следующие.

Лагерь феодально-империалистического блока.

1. *Туземные феодалы* (туземные князья и знать яванских княжеств-, туземные князья и султаны внешних владений, феодализирующиеся племенные и родовые старейшины внешних владений).

2. *Чрезвычайно многочисленный феодально-бюрократический аппарат из туземцев.*

Начиная от первых ступеней— туземных сановников, представляющих собой ассимилированных империалистической системой феодалов и феодальных бюрократов прежних княжеств, и кончая низшим звеном— деревенской администрацией, наделенной рядом привилегий (земля, право на труд крестьян, освобождение от налогов и многочисленных повинностей, лежащих на остальной крестьянской массе), роль этой части деревенской верхушки в национально-революционном движении проверена с одной стороны участием в черносотенных бандах, создававшихся империализмом для борьбы с революцией, с другой — непосредственным обращением на нее революционных действий крестьянства в период восстания. В этих низших звеньях феодально-бюрократические элементы смыкаются с частью деревенской правящей верхушки. Отход последней в лагерь империализма (в первую очередь на Яве) объясняется

противоречием ее классовых интересов и интересов основной массы крестьянства, в частности ростовщическими и скупщицескими функциями кулачества, эксплуатацией беднейшего крестьянства на почве ипольщины, применения наемного труда и т. д. Этот отход, был ускорен и политикой подкупа кулацкой верхушки империализмом. Империализм, стремящийся создать себе опору в лице зажиточного крестьянства протии аграрного движения, поддерживает разграбление кулаками деревенской общины, кредитует через сеть с.-х. кредита и деревенские банки, расширяет и децентрализует деревенские «самоуправления».

3. Численно незначительная крупная туземная посредническая буржуазия и часть средней посреднической буржуазии, *целиком* связанная с крупными иностранными фирмами, выступающая в качестве их агентуры.

4. Часть мелкобуржуазной интеллигенции, в т. г. главным образом индо-европейцы, поставленные в качестве правительственных и частных служащих в привилегированное-положение в отношении остальной массы и по своим правам приравненные к европейцам.

5. Китайская крупная и средняя буржуазия в силу того специфического положения, которое занимает китайский капитал в Индонезии по своим ростовщическим и посредническим функциям в условиях колониального режима.

Революционный лагерь.

1. Индонезийский пролетариат, несмотря на свою молодость показавший образцы стойкой и героической борьбы за свои классовые интересы и тем самым за национальное освобождение страны, выступивший в качестве решающей самостоятельной силы,

противопоставляющей себя туземной буржуазии и национал-реформизму и способный осуществлять гегемонию в национально-освободительной борьбе еще до восстания и показавший в восстании, что революционное движение крестьянства, аграрная революция может быть осуществлена крестьянством лишь под руководством пролетариата.

2. Крестьянство, являющееся основной движущей силой колониальной революции. Широкое аграрное движение крестьянства, непрерывно нараставшее в течение последних двух десятилетий и достигшее своего апогея в восстании, показало силу и остроту аграрных противоречий, вскрыло, что аграрная революция в Индонезии является осью национально-колониальной революции. В то же самое время опыт революционной борьбы способствует осознанию широкими массами крестьян того обстоятельства, что крестьянство сможет добиться своего освобождения лишь под руководством пролетариата. Неспособность мелкобуржуазного руководства националистической партии возглавить аграрную революцию, банкротство перед лицом революции таких партий как Сарекат Ислам способствует уяснению индонезийским крестьянством, что лишь партия индонезийского пролетариата способна последовательно и до конца бороться за национальное освобождение, за аграрную революцию, за установление революционной диктатуры пролетариата и крестьянства в форме советов.

3. Городская беднота — мелкие ремесленники, не эксплуатирующие чужой труд, уличные торговцы, городской полупролетариат, безработные интеллигенты, положение которых объективно толкает их в сторону революции, — также должна быть отнесена к революционному лагерю. Их роль в коммунистическом движении и в вооруженном восстании была довольно

значительна. Однако следует учитывать возможность, что часть деклассированных элементов городской бедноты может играть роль оружия в руках реакции (например, вовлечение их империализмом в черносотенные отряды (Сарекат Ходье).

4. Значительная часть (яванской в первую очередь) мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции, поскольку объективные ее интересы и гнет империалистической эксплуатации толкает их в сторону революции и поскольку подъем революционного движения увлекает их за собой.

Национал-реформистский лагерь.

В конкретных условиях Индонезии представлен слабой промышленной буржуазией, главным образом средней и частью мелкой буржуазии. Специфический характер мелкой буржуазии налагает свой отпечаток на основные национал-реформистские партии. Развитие мелкобуржуазных партий «как общее правило проложит путь от национально-революционной к национально-реформистской позиции». (Тезисы VI Конгресса Ком. Инт. по докладу Куусинена. Спец. отчет VI конгресса К. И. вып. 6.) В Индонезии, в силу чрезвычайно быстрого революционирования пролетариата и крестьянства под влиянием и руководством компартии этот путь; как мы видим, был пройден в ускоренных темпах. Восстание лишь окончательно определило их позицию в отношении революции.

То обстоятельство, что «мелкобуржуазная интеллигенция, возглавляющая эти партии, выдвигает национально-революционные требования, но вместе с тем более или менее сознательно является представительницей *капиталистического развития* своей страны» (Там же.), выявилось вполне отчетливо в Индонезии. Сарекат Ислам,

боровшийся с капитализмом (империализмом) и возглавлявший национально-революционное движение страны, оказался в лагере национального реформизма, лишь только это революционное движение под руководством компартии подошло к аграрной революции. Тактика индонезийской компартии, выставившей лозунг диктатуры *пролетариата* (хотя и понимавшегося в известной мере народнически), ее борьба с «капиталистическим» Сарклат Исламом и другими националистическими организациями с одной стороны, и маневры империализма (назначение в Фольксраад и т. д.), с другой, лишь ускорили переход этих партий на реформистские позиции.

В то же самое время, если руководство мелкобуржуазных партий и перешло на национал-реформистские позиции, у основной массы мелкой буржуазии перед лицом колониальной эксплуатации продолжают превалировать противоречия между ней и империализмом. Отсюда не только неизбежность революционной оппозиции внутри национал-реформистских партий, но и возможность возникновения внутри национал-реформистского лагеря радикальных, партий, стоящих более или менее последовательно на национально-революционной точке зрения.

Указанная расстановка классовых сил в период после восстания определяет как положение индонезийского национально-освободительного движения, так и политику голландского империализма.

Революционный лагерь в период, предшествовавший восстанию и особенно во время жесточайшего террора, обрушившегося на трудящихся после неудачи восстания, понес крупнейшие потери. То обстоятельство, что голландскому империализму удалось физически уничтожить и изолировать в каторжных лагерях почти

поголовно весь актив компартии, явилось величайшим ударом по национально-революционному движению. Дезорганизация революционного лагеря, полнейшая изолированность ют мирового революционного движения, на которую голландский империализм пытается обречь Индонезию, неослабно царствующий террор, затрудняют объединение и организацию революционных сил. Попытка индонезийского пролетариата (для которого опыт классовой борьбы и революционного движения не прошел даром) вновь создать классовые организации, наталкивалась на все новые и новые репрессии империализма. Революционные «независимые» профсоюзы, руководимые Марсуди, возникшие в конце 1927 г., лишь только они попытались установить связь с мировым профдвижением (ТОС) и распространили свое влияние на значительную часть пролетариата, были разгромлены летом 1929 г. 60 руководящих лидеров были арестованы, с рядовых членов взята подписка, что они не будут пытаться, восстанавливать союзы.

В условиях разгрома революционного лагеря национал-реформизму удастся распространить свое влияние не только на мелкую буржуазию и крестьянство, но и на некоторую часть пролетариата. После восстания голландский империализм, которому размах революционного движения показал всю слабость социальной опоры в Индонезии, пытается всячески привлечь на свою сторону среднюю и мелкую буржуазию, сделать ее своим союзником и во всяком случае направить национально-освободительную борьбу на путь реформизма. Единственными мероприятиями голландского империализма, вызванными революционным крестьянским движением, явилась отмена подушного налога (введенного, как известно, взамен государственной барщины). Все остальные реформы направлены на стовор с средней и мелкой туземной буржуазией. Путем расширения числа

мест, предоставляемых туземцам в Фольксрааде, путем увеличения компетенции муниципалитетов, путем так называемой политики децентрализации, которая сводится к увеличению политического участия, наряду с туземными феодально-бюрократическими элементами и крупной буржуазии, части средней и мелкой буржуазии в аппарате колониального управления, путем наконец расширения доступа туземного дворянства и высшей интеллигенции в армию и полицию империализму удастся подкупить верхние слои средней и мелкой буржуазии.

Однако маневренные возможности империализма в отношении мелкой буржуазии и в первую очередь в отношении крестьянства ограничены. Если империализму удастся подкупить верхушечные слои туземной мелкой и средней буржуазии и части мелкобуржуазной интеллигенции, то уже сколько-нибудь *значительное* укрепление кулацкой части крестьянства означает одновременно дальнейшие обострения аграрных противоречий, дальнейшую пауперизацию и революционизирование основных масс крестьянства. Разрешение же аграрного вопроса в интересах основных масс крестьянства немыслимо в условиях сохранения господства империализма.

Вместе с тем слабость туземных мелкобуржуазных представителей капиталистического развития, специфическое положение туземной мелкой и средней буржуазии в отношении китайского капитала создает известную почву для внедрения мелкобуржуазных иллюзий о возможности укрепления и роста мелкой и средней буржуазии под руководством империализма и постепенного прихода ее к власти и управлению своей страной.

Лозунг «здорового национализма», лозунг «укрепления и создания среднего класса», лозунг «индустриализации»

Индонезии являются наряду с мелкими политическими уступками основными козырями голландского империализма в его политике в отношении средней и мелкой буржуазии.

Подлинный смысл этих лозунгов и их полная безопасность для империализма совершенно очевидны. Лозунг «индустриализации», столь храбро выдвигаемый голландским империализмом, понятен в условиях уже отмеченной нами исключительной слабости туземной буржуазии, в условиях, когда до современного экономического кризиса всего около 0,7 проц. всех уплачивающих подоходный налог туземцев Явы (около 800 человек из 1,2 млн.) и около 0,25 проц. туземного населения внешних владений имеет доход свыше 5 000 гульденов, в условиях, когда совместные усилия туземной крупной, средней и части мелкой буржуазии в течение нескольких лет закончились основанием «Национального банка» с капиталом в 500 тыс. гульденов, разделенных на акции по 10 гульденов, неполностью оплаченного, и одного сахарного заводика с двумя десятками рабочих, в условиях, когда крупнейшим туземным промышленным предприятием является мастерская по изготовлению батика с 300 рабочих.

Что же касается пресловутого укрепления-«среднего слоя», то эти попытки империализма сводятся, с одной стороны, к укреплению своего влияния на кулацко-зажиточную часть крестьянства, что может быть проделано в довольно ограниченных размерах путем расширения кредитования и т. д., и с другой — к попыткам подкупить, поставить в положение полу-компрадорское верхушечную часть средней и мелкой торговой буржуазии.

Сейчас, в период жесточайшего экономического кризиса, потрясающего колониальное хозяйство голландского империализма, возможность этих маневров

еще больше сокращается. Опубликованный, например, летом 1931 г. циркуляр Индонезийского управления «народным» кредитом предписывает ограничивать кредитование лишь наиболее мощными из туземных клиентов.

В этих условиях значение социал-демократии, как главного орудия насаждения реформизма в колонии, привлечения на путь реформизма не только верхушки средней и мелкой буржуазии и подкупленных империализмом реформистских вождей немногочисленных легальных профсоюзов, но и мелкобуржуазных масс и части пролетариата становится для голландского империализма особенно крупным. Голландский империализм, в силу конкретных исторических причин, имеет в лице голландской социал-демократии, выросшей в условиях маленькой привилегированной Голландии, владеющей громадной колониальной империей, — классический тип социал-империалистов.

Голландские социал-империалисты, с исключительным знанием своего предательского дела, уже неоднократно обнаруживали свою способность одновременно с исключительной злобностью помогать империализму расправляться террором с революционным движением в Индонезии и в то же время выступать с «левыми» запросами и протестами в голландском парламенте и в Фолькскрааде. В период индонезийского восстания социал-демократы в Индонезии требовали самых решительных мер против коммунистов. Небезызвестный голландский социал-демократ Мюленфельд в качестве руководителя индонезийского «министерства» внутренних дел возглавлял политику террора в отношении компартии и возникших после восстания независимых профсоюзов. В то же самое время голландские социал-демократы в

парламенте выступали с запросами относительно террора и требовали посылки «комиссии для расследования» на месте обстоятельств восстания).

Таково в основном было положение в Индонезии к началу мирового экономического кризиса.

В следующем очерке мы проанализируем отражение мирового экономического кризиса в Индонезии, переплетающегося с хроническим аграрным кризисом структурного характера, и условия, в которых происходит вызревание в Индонезии предпосылок для перерастания экономического кризиса в кризис революционный, борьбу за революционный выход из кризиса.\..

Третья статья. — Революционное движение Индонезии на современном этапе.

Революционный Восток, 1933, № 5 (21), стр. 32—46.

XII пленум ИККИ как главное и основное на данном этапе в развитии всеобщего кризиса капитализма подчеркивает конец относительной стабилизации капитализма, *«переход к новому туру крупных столкновений между классами и между государствами, к новому туру революций и войн».*

Вместо с тем резолюция пленума отмечает, что *«раскачка антагонистических сил совершается местами бурно, местами задерживаясь».* Процесс революционирования масс идет неравномерно в различных странах. Даже в пределах одной страны эта неравномерность может иметь место в отношении отдельных районов. В Индонезии этот неравномерный ход выступает чрезвычайно отчетливо.

Учет всего разнообразия конкретных условий, определяющих характер и степень силы движения в различных частях Индонезии, необходим для правильного понимания общего положения. Лишь в связи с общей картиной возможна оценка последнего восстания в голландском колониальном флоте. : ' Ми не располагаем, к сожалению, достаточными материалами для того, чтобы

полностью охватить все эти чрезвычайно актуальные проблемы.

Но попытаемся все же остановиться на ряде моментов, В пределах общего относительно замедленного темпа вызревания в Индонезии предпосылок перерастания тягчайшего экономического кризиса в кризис революционный, пути, уже сейчас пройденные отдельными участками, далеко не одинаковы.

Общим для всей Индонезии следует признать развитие процессов в условиях: 1) поражения революционного лагеря после восстания 1926-27 гг., разгрома КИИ и революционного профдвижения, и тягчайшего террора голландского империализма; «превратившего Индонезию в тюрьму народов, окруженную колючей проволокой». (Резолюция об едином фронте голландских и индонезийских трудящихся, нанятая на декабрьском съезде КП Голландии.); 2) капитуляции и перехода в контрреволюционный лагерь национальной буржуазии, прямого предательства профессиональных вождей национал-реформистских партий и легальных реформистских профсоюзов; 3) наличия в самой колонии социал-фашистского орудия голландского империализма, в лице индонезийской с.-д. партии, являющейся прямой агентурой империализма проводящей политику голландского империализма в отношении национальной буржуазии и политику реформизма в национально-освободительное движение.

Из этих моментов, характерных для Индонезии, наиболее важным, несомненно, является тот, что в условиях империалистического террора индонезийские коммунисты до настоящего времени не сумели добиться воссоздания КПИ в качестве мощной нелегальной партии, тесно связанной с массами, организующей и возглавляющей борьбу пролетариата и крестьянства, с

наступлением империализма на трудящихся колонки. Индонезийские коммунисты, потерявшие своих наиболее активных товарищей, до настоящего времени не сумели в нужный момент возглавить растущее революционное настроение масс крестьянства, так же как не сумей создать революционные рабочие организации, и сплоченную революционную оппозицию внутри реформистских профсоюзов, развернуть работу среди сотен тысяч безработных, кули, городской бедноты.

В результате в Индонезии налицо отставание революционно-освободительного движения от объективных предпосылок для его развития, непрерывно углубляемых экономическим кризисом.

При общем отставании темпов революционного подъема в Индонезии характерным на данном этапе являются слабость рабочего движения, отсутствие мощного стачечного движения, отсутствие *организованной* борьбы индонезийских рабочих и безработных против бешеного наступления голландского империализма. «После запрещения независимых профсоюзов, в июле 1929 г., стихийною стачки и демонстрации на плантациях (Восточной Суматре и Яве) и на предприятиях (оловянные рудники Биллитон) остались без руководства, так что правительство смогло подавить их путем террористических мероприятий». (Резолюция о едином фронте.)

Отмеченная выше слабость работы КП по революционной организации пролетариата, с одной стороны, террор империализма и предательская деятельность нац.-реформистов и социал-фашистов, с другой — объясняют это отставание рабочего движения.

При этом предательская роль нац. и соц.-реформистов в условиях углубляющегося экономического кризиса сопровождается усилением «революционной» фразы.

Продажные лидеры легальных профсоюзов, «принципиально» отрицающие революционную классовую борьбу, лидеры Сарекат-ислама, «левые» националисты шла Сукарно, Хатта и др., подменяющие революционную борьбу рассуждениями о свадеши и т. д., все они чувствуют, что им все труднее становится удерживать руководство индонезийским пролетариатом, продолжать систематический срыв борьбы индонезийских рабочих за свои классовые интересы.

Усиливая применение «левых» фраз, они пытаются противопоставить стихийной революционной борьбе индонезийских рабочих, стремление пролетариата к революционному объединению — концентрацию профсоюзного движения под руководством реформистов.

Последним маневром в этом направлении является совещание свыше 50 лидеров реформистских профсоюзов в апреле этого года и созыв объединительного конгресса на 2 мая с целью выработки совместного плана борьбы «за защиту интересов индонезийских рабочих».

Наличие среди организаторов этого конгресса известного право-буржуазного националиста Сутомо и др. достаточно определяет истинный характер этого объединения.

Национал-Преформистам удалось, при известной помощи голландского империализма и прямом содействии социал-фашистов, усилить свое влияние на рабочий класс в период между восстанием 1926—1927 гг. и мировым экономическим кризисом. *Слабость компартии* облегчает националистам, особенно «левым» националистическим организациям, комбинирующим революционную фразу о борьбе за национальное освобождение с использованием национально-религиозных маневров, распространение их влияния и на индонезийский пролетариат. Им все еще

удается удерживать индонезийский пролетариат от активной борьбы и срывать стихийные стачки. Все это подчеркивает первоочередность задач КП Индонезии по революционной организации пролетариата, по завоеванию большинства рабочего класса.

Вместе с тем нельзя отрицать и определенных результатов маневров голландского империализма.

Ленин указывал, что «никогда не бывало и никогда не может быть такой классовой борьбы, когда бы часть передового класса не оставалась на стороне реакции». (Ленин. Собр. соч., том XXIV, стр. 460.)

Нам представляется, что и в условиях колоний империализму, опирающемуся на свою прямую агентуру — социал-фашистов — и использующему предательство нац.-реформистских лидеров профсоюзов, удастся внести известный раскол в ряды пролетариата.

Нет слов, что в условиях мирового кризиса экономические предпосылки питающие социал-фашизм в колонии, и до того относительно слабые, — чрезвычайно суживаются.

Сейчас основная тенденция голландской буржуазии — это наступление на рабочий класс, стремление посадить на колониальный паек рабочих метрополии. Возможность подкармливать за счет колониальных сверхприбылей рабочую «аристократию» метрополии уменьшается. Тем более уменьшается возможность экономически питать социал-фашизм в колонии. И тем не менее, кое-какие маневры голландский империализм в этом направлении продельывает и в условиях кризиса. На это его толкает угроза колониальной революции, уже развернутая революционным движением 1926—1927 гг.

В этом отношении заслуживает внимания проект приравнять всех туземных рабочих, получающих от 4 гульденов и выше в день, во всех правах с рабочими-европейцами.

При нищенской оплате труда рабочих Индонезии, непрерывно снижающейся в течение последних кризисных лет, число рабочих, на которых может распространиться это положение, незначительно. Оно исчисляется десятком тысяч высококвалифицированных механиков, надсмотрщиков, мастеров.

Этот жест стоит голландскому империализму недорого, даже по кризисным расценкам. И тем не менее определенное значение этого маневра несомненно.

Маневры в отношении численно крайне незначительной верхушки туземных рабочих и служащих представляют собой звено в общей цепи маневров, сочетающихся с Жесточайшим наступлением на колониальных трудящихся — маневров, которые должны несколько прикрыть подлинный характер хищнического и безудержного стремления переложить всю тяжесть кризиса на колониальные массы. В колониальных условиях проявляются элементы тактики господствующей буржуазии, «чрезвычайно противоречивое положение» которой «зачастую заставляет ее лавировать между курсом на решительное развязывание борьбы со своими внутренними и внешними врагами и более осторожным курсом». (*Тезисы о международном положении и задачах секций Коминтерна*, приняты XII пленумом ИККИ по докладу т. Куусинена.)

Удельный вес уступок голландского империализма в общей сумме кризисных мероприятий чрезвычайно невелик. Эта в основном демагогическая приправа к реальной политике наступления не в состоянии скрыть

истинных последствий перекладывания тяжести кризиса на колониальные массы.

Снижение земельного налога на 10—30%, покупка правительством у крестьянства известного количества риса при *условии уплаты рисом всех недоимок по с.-х. налогу*, ни в какой мере не компенсирует падения нищенских доходов крестьянства на 50—70%. В то же самое время запрещение ввоза Иностранного риса, обрекая основные массы крестьянства и рабочих на произвол искусственно повышаемых цен, дает реальные выгоды туземным помещикам и кулакам, владельцам рисоочистительных предприятий, скупщикам и торговцам рисом.

В этом же направлении закрепления поддержки крупной туземной буржуазии и верхушечной части средней действуют и налоговая политика, система кредитования и т. д.

В результате, голландскому империализму и в условиях экономического кризиса удастся обеспечить на деле поддержку национальной буржуазии в своем наступлении на трудящиеся массы.

* * *

Чрезвычайно важным моментом современного этапа национально-освободительного движения в Индонезии является несоответствие в темпах движения на Яве и во Внешних владениях.

Ява, как известно, является экономически наиболее развитым районом.

Здесь империалистическая эксплуатация достигает наибольшего объема, охватывает все наиболее отдаленные районы острова. На Яве пауперизация крестьянства, земельный голод, феодально-помещичья, особенно торгово-ростовщическая, кабала, чрезвычайно велики,

аграрные противоречия достигают большой остроты. Вместе с тем здесь и численность пролетариата и его концентрация наиболее высоки. Этим всегда объясняется ведущая роль и значение Явы в развитии национально-освободительного движения.

Как массовые националистические организации (Сарекат-ислам и другие), так и индонезийская компартия в первую очередь опирались на Яву.

Но после восстания террор голландского империализма также в первую очередь обрушился на Яву. Здесь голландскому правительству удалось разгромить ранее бывшие легальными компартию и революционные профорганизации. Здесь ему легче чем во Внешних владениях можно было продолжать систематическое вылавливание всех заподозренных в коммунизме.

Сейчас в качестве участка, где национально-освободительная борьба развивается наиболее активно, выступает *не Ява, а Внешние владения*, в первую очередь Суматра/ Тревожные сообщения буржуазной прессы, не только свидетельствуют о серьезности положения в ряде районов Суматры, но и указывают на очаги движения.

Эти центры антиимпериалистического движения довольно многочисленны.

Это Атье на севере Суматры — район, где голландскому империализму почти непрерывно приходится бороться с непрекращающимися восстаниями и вспышками, где до сих пор все административные функции осуществляются военными. Это — Пориаман и Агам (западный берег Суматры), где широкие массы крестьянства, разоряемые все растущим охватом империалистической эксплуатации, обречены на обезземеленье и пауперизацию. Это — Паданг, где громадная масса безземельного и малоземельного крестьянства противостоит крупным помещикам и

феодалам. Наконец — это матриархальные общины Минангкабао, где процесс разрушения матриархально-родовых отношений, возникновение и усиление классовых противоречий приводит к усилению антиимпериалистического движения.

Характер социальных отношений, еще далеко неизжитые родовые и племенные связи, еще большое значение религиозного момента придают движению в этих районах своеобразные черты. Здесь во главе движения зачастую стоят родовые и племенные вожди и старейшины, шейхи и т. д. Здесь движение еще в значительной мере не дифференцировано. Борьба целых районов носит характер обще-национального движения. Не случайно голландские империалисты подчеркивают разницу между туземными вождями этих районов и туземной администрацией Явы, полностью превратившейся в агентуру империализма. (См. *Материалы по национальным и колониальным проблемам*, № 3, 1933 г.)

В этом характере движения его сила, но и в большей мере его слабость, ибо этот характер облегчает распространение и укрепление влияния таких организаций как Сарекат-ислам, Муххамадия, Мослимин Бонд, Диньях и др. Мы видим, как за последнее время этим организациям, облакающим свою борьбу за классовые интересы туземной буржуазии в национально-религиозные формы, удается укрепить свое влияние, захватить в свои руки руководство движением масс с целью отвести его в национал-реформистское русло.

Отмечая диспропорцию между размахом революционного движения в Индонезии и непрерывно усиливающимися объективными предпосылками для его развития, необходимо подчеркнуть уже имевшие место выступления.

Углубление мирового экономического кризиса и продолжающееся наступление голландского империализма неминуемо усиливают противоречия в колонии, делают нарастание революционной борьбы неизбежным. (Об охвате Индонезии мировым экономическим кризисом и о катастрофическом положении широких масс индонезийских трудящихся (см. наши обзоры «Мировой экономический кризис и Индонезия» «Материалы по нац. кол. проблемам» за 1933 г.)

Бешеное наступление империализма на рабочий масс, увольнение тысяч работавших, возвращение с плантации десятков тысяч законтрактованных кули, сокращение зарплаты еще занятых рабочих на 30—60%, «рационализация», ухудшение условия труда не находят еще достаточно организованного отпора со стороны индонезийского пролетариата. Однако отдельные разрозненные выступления, стихийные стачки и т. д. свидетельствуют о начале борьбы вопреки предательству социал-фашистского и нац.-реформистского руководства.

Массовые крестьянские восстания, отказ от уплаты налогов, выполнения различных повинностей и т. д., зачастую приводящие к вооруженным столкновениям с полицией, становятся все более частым явлением в различных районах Индонезии.

О том, что настроение в деревне достигает значительного напряжения, свидетельствуют, как маневры правительства со снижением земельного налога, так и пристальное внимание колониального правительства в каждом конфликту. По любому шведу в деревне возникают с исключительной легкостью массовые выступления, свидетельствующие о готовности крестьянства к активной борьбе, о колоссальном накоплении горючего материала.

Индонезийское крестьянство ищет выхода из обостряющихся под влиянием кризиса аграрных противоречий, ищет руководителя для своей революционной борьбы.

Таким руководителем может быть и будет лишь коммунистическая партия, которая одна в состоянии повести широкие массы индонезийского крестьянства на последовательную борьбу за аграрную революцию.

Приведем лишь один пример из самого последнего времени. В деревне Педап, в Клатене, полицейский хотел арестовать одного из крестьян. Крестьянин оказал сопротивление, вооружившись серпом. Его жена ударила в гонг (тонгтонг), и на помощь сбежалось все население деревни. Лишь после того, как были затребованы полицейские подкрепления из Соло, Бойолали и Клатона и в деревню направились резидент, его помощник и регент, обратившиеся с «увещеваниями» к населению, удалось арестовать крестьянина и некоторых его сообщников.

Этот случай чрезвычайно типичен. Он указывает на степень революционности крестьянства (лишь «увещевания» высших чиновников, подкрепленные большим вооруженным отрядом полиции, смогли обеспечить аресты). Вместе с тем он показывает, с какой быстротой голландский империализм пытается ликвидировать малейшие конфликты, зная, что они легко могут перерасти в еще большие выступления.

Наряду с ростом революционного движения пролетариата и крестьянства, усиливается и радикализация мелкобуржуазных масс города, ремесленников, мелких торговцев, городской бедноты и т. д.

Процесс полевения мелкобуржуазной массы членов многочисленных национал-реформистских партий налицо, и он подтверждается каждым очередным съездом,

конференцией этих партий. О нем. свидетельствуют и перегруппировки внутри нац.-реформистского лагеря, маневры туземной буржуазии и т. д.

Ленин неоднократно указывал, что контрреволюционность буржуазии отнюдь не мешает ее левым оппозиционным выступлениям. (Ленин. Собр. соч., том XIV. стр. 13.)

Усиление противоречий между империализмом и колонией неизбежно способствует росту этой буржуазной оппозиции. Указанными выше маневрами за счет широких масс голландский империализм в период кризиса обеспечивает себе лояльный характер буржуазной оппозиции, тем более что угроза революции под руководством компартии в период подъема революционного движения и восстания 1927 г. полностью определили контрреволюционную позицию национальной буржуазии.

«Левые», выступления национал-реформистской буржуазии, «обличительные» тезисы Сарекат-ислама по аграрному вопросу, лозунги свадеша, несотрудничество, борьба за независимость от голландского ига, прекрасно сочетаются с поддержкой на практике голландского империализма и предательством дела национальной революции широких масс. Для сохранения своего влияния на массы, для использования движения в своих целях, буржуазии требуются в условиях кризиса значительно более «левые» лозунги.

Говоря о развитии революционного движения в Индонезии на современном этапе, необходимо отметить некоторые *добавочные* моменты, особенно отчетливо сказывающиеся в течение последнего, времени и находящие прямое свое выражение в выступлениях во флоте и захвате броненосца «Де Зевен Провесные».

Этими моментами являются: во-первых, непрерывное нарастание недовольства среди *европейских* рабочих и служащих, во-вторых, рост недовольства среди военной опоры колониального господства — *армии и полиции* и в-третьих, самое главное, элементы *единого фронта европейских и туземных трудящихся* в колонии.

Привилегированное положение, в которое поставлены в колониальных условиях европейские служащие и рабочие, высокая оплата их труда, во много раз превышающая оплату туземцев и значительно более высокая, чем оплата в метрополии, их экономическое и политическое положение представителей «высшей расы» по отношению к колониальным рабочим обеспечивали голландскому империализму их полную лояльность и в крайнем случае сугубо-реформистскую борьбу за сохранение своих привилегий.

Не приходится и говорить, что до начала современного экономического кризиса в Индонезии никогда не мог стоять вопрос о безработице среда европейцев.

Лишь в период послевоенного подъема революционного движения в Индонезии имели место революционные выступления европейских рабочих и служащих, поддержка европейскими профсоюзами борьбы индонезийского пролетариата (всеобщая стачка железнодорожников Явы и т. д.).

Объединенные в специально-европейские союзы служащие и рабочие-европейцы всегда являлись цитаделью реформизма; объединенные совместно с туземными трудящимися европейцы являются наиболее реформистской частью союза, поставляющей зачастую предательских профсоюзных лидеров. !

Сейчас, в период жесточайшего кризиса, массовой ликвидации и сокращения плантационного производства,

сокращения действующих заводов и других промышленных предприятий, на ряду с десятками тысяч туземцев, увольняются и европейцы.

Число зарегистрированных на бирже безработных европейцев достигает нескольких тысяч, увеличившись с 3,5 тыс. в середине 1932 г. до 6 тыс. к концу 1932 г.

Несравненно более дешевая оплата туземцев приводит к замене различных категорий рабочих и служащих европейцев — туземцами. Правительство, проводя подобные меры (например, замена учителей европейцев туземными) пытается на этом еще нажать политический капиталец, изображая эту замену уступкой национальным требованиям индонезийцев.

Вместе с тем правительство проводит снижение как зарплаты европейского персонала (сокращение до 14%), так и всех видов пособий (отпускных и т. д.). Резкое ухудшение положения европейских служащих и рабочих вызывает рост недовольства и волну протеста. Это недовольство захватывает самые различные слои европейских служащих.

Протесты при всей лояльности выступлений в целом, при всем мирном характере обращений к правительству за помощью и т. д., часто носят характер резких выпадов против голландского правительства. В этом отношении показательны настроения внутри соглашательского учительского союза, находящегося под влиянием социал-демократов.

Рост возмущения масс сказывается и на выступлениях руководства. Еще недавно два видных деятеля союза были арестованы правительством по обвинению в «агитации против существующего строя».

Недовольство снижением зарплаты в армии и полиции особенно усилилось к концу 1932 года, когда стало известно о Новом сокращении зарплаты.

В различных городах Индонезии проходят митинги протеста. Возникают полу-профсоюзного характера организации, ставящие своей целью защиту интересов военных, главным образом, низшего состава и солдат.

В основном деятельность этих организаций, так же как и выступления гражданских служащих, носит еще полностью реформистский характер. Их деятельность в первую очередь выливается в верноподданнических обращениях к королеве, правительству и т. д.

Но я здесь слышались сдвиги в сторону более радикальной политической борьбы. На ряде собраний выступают ораторы, критикующие характер деятельности союза; протестуют против посылки верноподданнических телеграмм и т. д. Пресса сообщает и о случаях распространения воззваний явно революционного характера, направленных против правительства голландского империализма. По словам голландских "буржуазных газет в этом повинны в первую очередь молодые солдаты, настроение которых «не соответствует общему духу лояльности армии в целом».

О том, что голландский империализм не может рассчитывать на верность целых воинских частей, свидетельствует ряд фактов. Так, например, во время массовых арестов матросов после отказа от повинения в конце января 1933 года и их изоляции, были сменены все части Сурабайского гарнизона, которым была поручена охрана арестованных, и заменены войсковыми частями из других районов Индонезии.

Что касается совместной борьбы европейских и туземных трудящихся, то ее мы находим не толы» в

совместных выступлениях протеста государственных служащих. Большого внимания заслуживает такой факт, как возглавлена мелким голландским колонистом Групофельдом крестьянского движения протеста и отказа от уплаты налога в провинции Черибон. Европейец был избран деревенским старостой несколькими туземными деревнями. Крестьяне оказали сопротивление попыткам местной полиции его арестовать, и арест был произведен лишь после прибытия значительных подкреплений.

* * *

Оценивая в свете всего сказанного события в военном флоте мы можем отчетливо проследить как все слабые стороны движения, так и отметить его крупное значение.

О том, что в армад и флоте царит глубокое недовольство, голландский империализм отдавал себе отчет задолго до массовых выступлений. Об этом достаточно красноречиво свидетельствовал» обращение начальника морских сил к морякам военного флота, в связи с волнениями в английском флоте в Инвергордоне.

В течение 1932 года о настроении моряков неоднократно доносили как голландская охранка, так и флотские священники и предательские лидеры союза моряков — Комбо.

Недооценивая степень этого недовольства, главный штаб все же указывал голландскому правительству «на необходимость большой осторожности в отношении полиции и войск, и что с различных точек зрения особенной опасностью чревато недостаточно осторожное обращение с европейским персоналом флота, который нельзя ставить на один уровень с другими военными силами».

Очевидно этим объясняется колебание голландского правительства* в окончательном распространении сокращения жалования и на флот. Сокращение было проведено спустя месяц после того, как оно коснулось гражданских служащих, армии и полиции.

Нарастание недовольства наступлением на зарплату побудило морское командование назначить военный флот в плавание в различные районы индонезийских вод.

Уход в плавание был своевременно осуществлен голландским правительством лишь в отношении броненосца «Де Зевен Провинсиен». Прежде чем ушли остальные суда, назначенные в плавание, в главной морской базе Индонезии — Сурабае — произошли первые массовые выступления моряков-европейцев.

В течение нескольких дней, начиная с 26 января, когда было объявлено о сокращении жалования европейскому персоналу до 14%, в Сурабае непрерывно нарастала волна протестов.

Мирные митинги и демонстрации, начатые 27 января утром и продолжавшиеся вопреки официальному их запрещению, закончились утром 29 января массовым отказом европейской части команды военных судов «Ява», «Пит-Хейн» и «Эверстейн», к которой присоединилась часть туземцев, от повиновения приказам офицеров.

Эскадра, которая должна была выйти в этот день в плавание, вынуждена была остаться на рейде. Наибольшее упорство в отказе от повиновения обнаружила команда «Эверстейна», где к движению европейцев присоединилась и наибольшая часть туземцев (Подробности о ходе волнений во флоте за весь период, также как и подробности восстания на броненосце «Де Зевен Провинсиен» см. *Материал по национальным и колониальным проблемам, №3.*)

Число участников туземцев в этом первом выступлении было еще относительно невелико. Имело значение, что лишь в конце дня стало известно о сокращении до 17% жалования туземного персонала флота.

Чрезвычайно характерно, что уговоры офицеров достигли на этом нервном этапе движения своей цели — большая часть моряков, отказавшаяся вначале повиноваться приказу, приступила к исполнению команды.

Тем временем голландский империализм поспешно стянул войска, вооруженные пулеметами в матросские кварталы в Сурабайе (Удькют) и произвел аресты всех отказавшихся повиноваться матросов.

Ленин, характеризуя солдатские и матросские движения в первой русской революции, писал: «Широкие массы матросов и солдат легко начинают бунтовать, но также легко делали они эту наивную глупость, что освобождали арестованных офицеров; они давали успокоить себя обещаниями и уговорами начальства». (Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 351.)

Характер мирного протеста, бунта без насилия сказался и в массовых волнениях туземных моряков через несколько дней.

31/II голландский империализм после произведенных наспех арестов, поспешил вывести эскадру в составе трех названных судов в плавание.

Этим он преследовал явную цель разбить силы моряков и изолировать наиболее беспокойные, но его мнению, суда от остального флота и военно-морских учреждений в Сурабайе.

В занятых войсками матросских кварталах и на остальных мелких военных судах 3 дня прошли внешне спокойно. Однако, продолжавшееся внутри матросских

масс брожение прорвалось 3/II в значительно более крупном объеме.

В этом массовом выступлении уже основная роль принадлежала туземным морякам. Движение охватило буквально все суда и все виды военно-морской службы, включая гидро и подводников. В течение двух дней продолжавшиеся отказы от повиновения сопровождались массовыми арестами и интернированием арестованных в карантинных бараках на острове Мадуре. Число арестованных туземцев достигло вместе с арестованными в конце января — 470 человек. Чрезвычайно характерно, что голландский империализм с самого начала стремился расколоть единый фронт европейских и туземных матросов (даже арестованные помещались в разных концентрационных лагерях). Если массовые аресты в Сурабайте и наводнение ее воинскими частями из других районов и достигало цели — прекращения массового неповиновения — то на ушедших в плавание судах брожение продолжалось и сопровождалось арестами зачинщиков. Одно из судов «Пит-Хейн» вынуждено было даже вернуться обратно в Сурабайю, чтобы доставить арестованных на всех судах эскадры в течение плавания европейских бунтовщиков.

Выросши из протеста против снижения зарплаты, массовое неповиновение матросов, европейцев и туземцев достигает наибольшей силы и единения в вооруженном захвате броненосца «Де Зевен Провинсиен» в порту Суматры — Оле-ле.

При этом нужно отметить, что броненосец ушел в плавание задолго до массовых выступлений в Сурабайте и что сведения о неповиновении туземных моряков ЗДІ вряд ли были известны команде в момент восстания.

По сведениям голландской прессы команда лишь в пути узнала о снижении жалования.

Захват броненосца был проведен вполне организованно 4 февраля в момент, когда командир и часть офицеров были на берегу на специально устроенном в их честь голландской и туземной буржуазией и властями рауте. Захватив часть офицеров и обезвредив остальных, которым удалось забаррикадироваться на палубе, европейская и туземная команды вывели судно из порта и новели его, как в дальнейшем выяснилось, к Сурабайе.

Оставляя в стороне подробности бешеного возмущения голландской буржуазии, кровавых требований уничтожения мятежного сура торпедами, не считаясь с наличием на борту арестованных офицеров, мобилизации всех видов оружия, включая аэропланы, и выработки целого военно-стратегического плана захвата судна, остановимся на характере поведения восставших в течение пяти дней, пока судно находилось в их власти.

К восставшим матросам на «Де Зевен Провинсиен» не только полностью приложимо определение Лента... «нехватило выдержки, отсутствовало ясное сознание задачи: — нехватило достаточного понимания того, что только самое энергичное продолжение вооруженной борьбы, только победа над военными и гражданскими властями, только ниспровержение правительства и захват власти во всем государстве является единственной гарантией успеха революции» (Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 351), по и вообще задачи подлинной революционной борьбы с голландским правительством не ставились ими сколько-нибудь решительно.

Захват военного судна вырос из борьбы против снижения жалования, в условиях отставания темпов развития революционного движения широких масс

индонезийского пролетариата и крестьянства, еще далеко не изжитого влияния соглашательских реформистских вождей. Эта обстоятельство не могли не сказаться здесь очень отчетливо.

Об этом достаточно красноречиво говорят их обращения по радио. Первая радиограмма, посланная вскоре после захвата судна, гласила: «Зевен Провинсиен» в руках команды, намерены идти в Сурайбайю. О насилии не помышляем. За день пути до Сурабайи официально передадим командование командиру. Цель — протест против несправедливого уменьшения жалования и ареста протестовавших. Раненых нет. На корабле все спокойно. (*De Locomotief*, 13/II 1933 г.)

Радиограмма, отправленная с восставшего судна незадолго до бомбардировки броненосца с аэроплана, подтверждала этот характер протеста:

«Пытаемся довести до сведения всех властей: никаких коммунистических настроений, никаких тенденций к насилию, только протест против снижения жалования и ареста недовольных моряков. На корабле все спокойно, раненых нет. Служба идет своим порядком. Командование будет передано согласно предыдущей радиограммы. Европейская туземная команда». (*Там же*.)

Поведение восставших после вооруженного бунта и захвата судна подтверждает отказ от применения оружия. Восставшее судно не делало никаких попыток войти в связь с прибрежными районами Суматры (чего чрезвычайно опасался голландский империализм, особенно учитывая настроение б этих районах Суматры), не помышляло и о каком-нибудь вооруженном сопротивлении правительственным силам. По словам очевидцев все пушки на броненосце были в чехлах, и до последнего момента сдачи команда и не подумала ими воспользоваться. В

течение всего времени судно плавало под голландским национальным флагом. Захват судна после бомбардировки прошел без всякой борьбы.

Оценивая характер восстания «До Зевен Провинсиен», мы должны таким образом подчеркнуть, что команда, захватив судно путем вооруженного восстания, не сумела поднять этот захват на высшую ступень. Захват судна являлся еще прологом к дальнейшей революционной борьбе, использованию несомненных возможностей, которые открывало овладение броненосцем.

Восстание показало, в какой степени не только европейская, но и туземная команда еще находится в плену реформистской идеологии, идей мирной ненасильственной борьбы.

Правда, здесь необходимо подчеркнуть громадное значение того факта, что восстание на «Де Зевен Провинсиен» произошло в момент, когда броненосец был изолирован от остального флота и морских учреждений, когда он находился в незнакомом месте, без связи с революционными массами Сурабайи.

Сейчас трудно оказать, какое направление приняло бы восстание на «Де Зевен Провинсиен», если бы оно имело место в накаленной атмосфере Сурабайи и было бы поддержано другими судами. Но для действительной оценки поведения восставших, для понимания этого восстания, как части подготовлявшегося массового выступления флота, весьма существенны некоторые данные следствия над арестованными в Сурабае моряками.

Как ни скупы поступают в печать эти сведения, они показывают, что во флоте велась работа по организации одновременного выступления всей эскадры. Между отдельными судами существовала тесная связь.

Предполагалось, что это выступление начнется по сигналу, которым должен был явиться красный флаг, выброшенный на крейсере «Ява». (*Nieuwe Rotterdamsche Courant*, 20/IV 1933 г.)

Поэтому обессиленное массовым арестами в Сурабае наиболее революционных европейских и туземных моряков, выводом эскадры в разные районы — восстание на «Де Зевен Провинсиен», при всех отмеченных слабых сторонах является крупным шагом на пути к революционизированию индонезийских трудящихся.

В первую очередь необходимо подчеркнуть, что захват судна был осуществлен вопреки прямой предательской работе лидеров матросского союза «Камбо», сделавших все от них зависящее, чтобы предотвратить «незаконные действия». Попутно отметим, что здесь вновь с необычайной ясностью было вскрыто подлинное лицо реформистского руководства профсоюзов. Представитель союза на судне информировал отделение союза в Сурабае о готовящихся выступлениях. В телефонном разговоре с Голландией сурабайское реформистское руководство получило от голландских социал-фашистских профбюрократов задание во что бы то ни стало помешать революционным действиям. Проинструктировав в этом направлении своего представителя на броненосце, руководители отделения союза пошли и на прямое предательство, выступив в качестве доносчиков перед голландскими властями с сообщением о готовящемся на броненосце выступлении. Наконец, уже после восстания они просим разрешить отправить на аэроплане делегацию союза на броненосец с тем, чтобы уговорить восставших сдаться на милость империализма.

В своем стремлении довести до конца «мирную» демонстрацию против снижения зарплаты путем захвата военного судна моряки «Де Зевен Провинсиен» проявили

упорство и несомненный героизм. Заявляя об отсутствии у них революционных тенденций, команда броненосца перед угрозой вооруженного нападения и воздушной' атаки, в1 то же самое время не приняла категорического ультиматума о сдаче и ответила «оставьте нас в покое».

Наконец, сама форма протеста, как мы уже указывали, является несомненно крупным шагом по пути развития организованного сопротивления индонезийских трудящихся — европейцев и туземцев — бешеному наступлению империализма. Именно в свете отмеченного отставания борьбы индонезийского пролетариата, слабого развития забастовочной борьбы и т. д. выступление флота в защиту своих экономических интересов имеет крупнейшее политическое значение. Восстание моряков должно явиться толчком для борьбы индонезийского пролетариата, борьбы, которая под руководством индонезийской компартии пойдет значительно дальше протестов против снижения зарплаты.

Восстание, являясь симптомом процесса революционизирования индонезийских масс, со всей очевидностью показало, что в Индонезии, вопреки террору империализма и предательству контрреволюционной буржуазии, под пеплом внешнего спокойствия тлеет революционный огонь, готовый вновь вспыхнуть ярким пламенем.

Вместе с тем восстание во флоте лишний раз обнажает расстановку классовых сил в индонезийской революции. Своим отношением к восстанию национальная буржуазия так же, как и социал-фашизм, выявила свою истинную позицию.

Если голландские и индонезийские социал-фашисты вопреки своим «левым» фразам в защиту восставших на практике показали себя как прямая агентура империализма

(резкое осуждение социал-фашистами «бесплодной, безрассудной попытки моряков», указанная выше роль доносчика, руководимого социал-фашистами союза моряков, безоговорочное требование' разоружения и приведение в повиновение восставшего броненосца), то национальная буржуазия своими выступлениями в Фольксрааде, участием в «патриотических» демонстрациях в различных городах Индонезии я требованиями жесточайшей кары 'восставшим, — вновь продемонстрировала свой контрреволюционный характер.

Туземные либералы, включая и наиболее «левые» группировки, стоящие на почве несотрудничества, не сделали ни одного шага для действительной поддержки восстания, в лучшем случае ограничиваясь осуждением бомбардировки броненосца.

Крупнейшее значение восстания в индонезийском флоте не ограничивается пределами одной Индонезии.

Оценивая восстание английского флота в Инвергордоне, как знаменательный симптом разложения сил английского империализма, т. Куусинен на XII пленуме ИККИ подчеркивал наличие «подобных предвестников бурь во многих странах».

Восстание в индонезийском флоте включается как звено в целую цепь аналогичных фактов в жизни армии и флота империалистических стран (восстание в Инвергордоне, восстание «Банги» в Австралии, волнение в итальянском флоте, в японской армии и т. д.). То обстоятельство, что восстание имело место в колоши, придает этому симптому особенно крупное значение.

«Военный флот, который однажды взбунтовался, может взбунтоваться и в другой раз, а такой военный флот — это уже, так сказать, военный флот «без стабилизации».

*(Стенографический отчет XII пленума ИККИ.
Выступление тов. Куусинена.)*

Голландский империализм отдает себе отчет в этом значении восстания в индонезийском флоте. Еще недавно, выступая в голландском парламенте, один из крупнейших деятелей голландского империализма, Келейн учитывая события в Индонезии и их отклики в голландском флоте метрополии, ставил вопрос, можно ли флот считать вполне надежным, и вынужден был дать отрицательный ответ.

Как бы ни стремились голландские социал-фашисты изобразить восстание как «играющее на-руку реакции», как бы ни старались они срывать революционные выступления в Голландии и Индонезии, громадное революционное значение восстания и для Индонезии и для других колониальных империалистических стран совершенно несомненно.

В первую очередь оно нашло живейший отклик среди трудящихся метрополии. Широкая волна выступлений, возглавленная в основном компартией Голландии, охватила не только моряков метрополии, но и различные слои пролетариата.

Восстание способствовало уяснению трудящимися Индонезии и Голландии, необходимости совместной борьбы как в колонии, так и в метрополии.

Голландская компартия, принявшая на последнем съезде, в декабре 1932 года, резолюцию о едином фронте трудящихся метрополии и колонии, старалась в связи с восстанием проводить ее на деле, объединяя революционную борьбу в метрополии с поддержкой восставших, с лозунгом национального освобождения Индонезии, с выдвижением Алимина, Сойоно и др. индонезийских коммунистов в качестве кандидатов в КПП в парламент. (Выборы в Голландский парламент дали

увеличение мандатов коммунистов с 2-х до 4-х, т. образом два указанные индонезийских товарища, томящихся на каторге в Новой Гвинее, оказались выбранными.)

Отклики на восстание мы находим в различных странах (выступление Нью-Йоркского союза металлистов в защиту восставших и т. д.).

Совершенно несомненно, что захват броненосца и восстание колониальных моряков найдет свой отклик и в революционном движении колониальных стран.

Голландский империализм пытается изолировать свои колонии от растущего революционного движения в Индии, от революционного Китая, с его крепнущими советскими районами, всячески помешать революционному контакту Индонезии с другими странами.

Восстание во флоте, весть о котором с быстротой молнии облетела весь мир, является "ударом по этим попыткам. Восстание может и должно явиться толчком для революционного движения в других колониальных странах, также как подъем революционного движения во всем колониальном мире не может не способствовать ускорению процесса революционирования трудящихся масс Индонезии.

«Нынешняя обстановка чревата внезапными взрывами и крутыми поворотами событий. Это обязывает каждую компартию быть готовой к тому, чтобы: при быстром наступлении революционных событий быстро менять формы и методы борьбы и, в случае недостаточной связи с массами, добиться в ходе самой борьбы создания и укрепления связи с . большинством рабочих. (*Тезисы XII пленума ИККИ.*)

Восстание во флоте подчеркивает всю правильность указания пленума, всю неотложность для индонезийских

коммунистов борьбы за укрепление партии, за организацию ею индонезийского пролетариата, за возглашение борьбы пролетариата и крестьянства.

Уже пройденные этапы революционной борьбы индонезийских трудящихся, борьбы пролетариата и крестьянства, под руководством КП в период, предшествовавший восстанию 1926—1927 гг. должны облегчить компартии ее задачу расширения и укрепления своего влияния, вопреки террору империализма и предательству национальной буржуазии и реформистов всех мастей.

«Никакие преследования, никакие расправы не могут остановить движения, раз поднялись массы, раз начали шевелиться миллионы». (Ленин, собр. соч., т. XIV, стр. 393.)

2024

<https://dbarabe.yolasite.com/>